

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЧЕКАНЫ
ЭПОХИ
СКИФСКОЙ АРХАИКИ
В ЕВРАЗИИ

Сергей СКОРЫЙ, Роман ЗИМОВЕЦ ■ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЧЕКАНЫ

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

Sergey SKORYI
Roman ZYMOVETS

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЧЕКАНЫ
ЭПОХИ
СКИФСКОЙ АРХАИКИ
В ЕВРАЗИИ

ХАРЬКОВ
МАЙДАН
2025

Sergey SKORYI
Roman ZYMOVETS

**BIMETALLIC PICKAXES
OF THE SCYTHIAN
ARCHAIC PERIOD
IN EURASIA**

KHAR'KOV
MAYDAN
2025

В оформлении обложки использованы:

пейзаж Северного Казахстана (из архива Гульнары Джумабековой и Галии Базарбаевой, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан);
изображение свернувшегося хищника на обухе чекана из Метрополитен Музея (по: Crawford et al. 1966, p. 28, fig. 42);
фото биметаллического чекана из Ахтырки, Украина (по: Скорый, Зимовец 2023, рис. 1).

С 44 Скорый Сергей, Зимовец Роман.

Биметаллические чеканы эпохи скифской архаики в Евразии. — Харьков: Майдан, 2025. — 112 с.: илл.

ISBN 978-966-372-949-7.

Монография посвящена изучению биметаллических чеканов — ударного оружия ближнего боя, одной из категорий наступательного вооружения раннескифской эпохи в евразийском ареале. Ещё совсем недавно было известно чуть более двух десятков экземпляров этого оружия. Соответственно, количественный аспект влиял на оценку роли данной категории в кругу паноплии скифской эпохи. В настоящей работе учтены все доступные находки биметаллических чеканов, что позволило получить источник, включающий более чем полусотню экземпляров. Осуществлена картография артефактов, рассмотрены вопросы типологии, хронологии, генезиса данного вооружения, механизма распространения биметаллических чеканов в Евразии.

Для археологов, историков, сотрудников музеев, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется историей скифской эпохи.

УДК 904

Памяти
Светланы БЕССОНОВОЙ,
выдающегося скифолога,
с которой авторов настоящей работы
связывало многое!

СОДЕРЖАНИЕ

ПОКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ	9
ВВЕДЕНИЕ	11
ГЛАВА 1 ТИПОЛОГИЯ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЧЕКАНОВ	23
ГЛАВА 2 ХРОНОЛОГИЯ ОРУЖИЯ	45
ГЛАВА 3 ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА	53
ГЛАВА 4 МЕХАНИЗМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ АРЕАЛЕ	73
ГЛАВА 5 БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЧЕКАНЫ VS БРОНЗОВЫЕ ЛИТЫЕ ПЛЕМЫ ЭПОХИ СКИФСКОЙ АРХАИКИ В ЕВРАЗИИ	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
<i>Резюме</i> <i>Сергій СКОРИЙ, Роман ЗИМОВЕЦЬ</i> БІМЕТАЛЕВІ ЧЕКАНИ ЕПОХИ СКІФСЬКОЇ АРХАЇКИ В ЄВРАЗІЇ	98
<i>Summary</i> <i>Sergey SKORYI, Roman ZYMOVETS</i> BIMETALLIC PICKAXES OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD IN EURASIA	102
ЛИТЕРАТУРА	105

CONTENTS

ILLUSTRATIVE MATERIAL INDICATOR	9
INTRODUCTION	11
CHAPTER 1 TYPOLOGY OF BIMETALLIC PICKAXES	23
CHAPTER 2 WEAPONS CHRONOLOGY	45
CHAPTER 3 QUESTIONS OF GENESIS	53
CHAPTER 4 MECHNISM OF DISSEMINATION IN THE EURASIAN AREA	73
CHAPTER 5 BIMETALLIC PICKAXES VS BRONZE CAST HELMETS OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD IN EURASIA	81
CONCLUSION	94
<i>Резюме</i> <i>Сергій СКОРИЙ, Роман ЗИМОВЕЦЬ</i> БІМЕТАЛЕВІ ЧЕКАНИ ЕПОХИ СКІФСЬКОЇ АРХАЇКИ В ЄВРАЗІЇ	98
<i>Summary</i> <i>Sergey SKORYI, Roman ZYMOVETS</i> BIMETALLIC PICKAXES OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD IN EURASIA	102
LITERATURE	105

ПОКАЗАТЕЛЬ ИLLUSTRATIVE ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ MATERIAL МАТЕРИАЛОВ INDICATOR

Рис. 1. Карта находок биметаллических чеканов на территории Евразии	16	Fig. 1. The Map of finds of bimetallic pickaxes on territory of Eurasia
Рис. 2. Биметаллические чеканы. Отдел I	26	Fig. 2. Bimetallic pickaxes. Section I
Рис. 3. Биметаллические чеканы. Отдел II, тип 1	28	Fig. 3. Bimetallic pickaxes. Section II, type 1
Рис. 4. Биметаллические чеканы. Отдел II, тип 2	30	Fig. 4. Bimetallic pickaxes. Section II, type 2
Рис. 5. Биметаллические чеканы. Отдел II, тип 3	32	Fig. 5. Bimetallic pickaxes. Section II, type 3
Рис. 6. Биметаллические чеканы. Отдел II, конкретный тип не известен	34	Fig. 6. Bimetallic pickaxes. Section II, the exact type is unknown
Рис. 7. Сильно фрагментированные биметаллические чеканы	37	Fig. 7. Strongly fragmented bimetallic pickaxes
Рис. 8. Втоки биметаллических чеканов	38	Fig. 8. Handle tips of bimetallic pickaxes
Рис. 9. Ситуация при обнаружении биметаллического чекана в Винницкой области	40	Fig. 9. Situation at finding the bimetallic pickaxe in the Vinnytsya region
Рис. 10. Деталь чекана из Харьковской области	41	Fig. 10. Detail of the pickaxe from the Kharkiv region
Рис. 11. Деталь чекана из района Армавира	41	Fig. 11. Detail of the pickaxe from the district of Armavir
Рис. 12. Деталь биметаллического чекана, найденного в пойме реки Уды, к югу от окраины Харькова	62	Fig. 12. Detail of the pickaxe found in floodplain of the Udy river, south of outskirts of Kharkiv
Рис. 13. Бронзовый чекан, найденный в пойме реки Уды, к югу от окраины Харькова	63	Fig. 13. Bronze pickaxe found in floodplain of the Udy river, south of outskirts of Kharkiv
Рис. 14. Аналогии бронзовому чекану из евразийского ареала	64	Fig. 14. Analogues of the bronze pickaxe from the Eurasian region

Рис. 15. Карта находок бронзовых литых шлемов так называемого кубанского типа на территории Евразии	82, 83	Fig. 15. Map of finds of the bronze cast helmets of so-called Kuban type on territory of Eurasia
Рис. 16. Шлемы так называемого кубанского типа со следами деструкции	88, 89	Fig. 16. Helmets of so-called Kuban type with tracks of destruction
Рис. 17. Шлемы так называемого кубанского типа со следами деструкции	90	Fig. 17. Helmets of so-called Kuban type with tracks of destruction
Рис. 18. Шлем «Кубань-2020» со следами ремонта после пробоины в затылочной части	92	Fig. 18. Helmet «Kuban-2020» with traces of repair after a hole in the back of the head
Рис. 19. Шлем «Кубань-2020»; следы пластины-латки на пробоину с внешней стороны затылочной части	92	Fig. 19. Helmet «Kuban-2020»; traces of a patch on a hole on the outside of the occipital part
Рис. 20. Некоторые биметаллические чеканы раннескифской эпохи из Европейской части Евразии после реставрации	96	Fig. 20. Some bimetallic pickaxes of Early Scythian epoch from European part of Eurasia after restoration

Биметаллические чеканы раннескифской эпохи — весьма интересная и до последнего времени в недостаточной степени изученная, в силу различных обстоятельств, категория наступательного вооружения ранних кочевников. Это ударное оружие ближнего боя, функционально близкое боевым топорам, но имеющее, несомненно, индивидуальные особенности.

С технологических позиций — это результат механического соединения двух функциональных, основных частей оружия, выполненных из разных металлов и различными приёмами: железной, а скорее, стальной, кованной боевой части (обушок, боёк), и бронзовой, отлитой в двухстворчатой форме втулки. При этом механическое соединение двух упомянутых частей осуществляется путём вставки железной части в створку литейной формы и последующей заливкой формы расплавленной бронзой, что позволяло предельно прочно соединяться обеим частям оружия.

Говоря об ударном биметаллическом оружии ближнего боя, мы изначально использовали, и будем применять далее термин «чекан», хотя с терминологией здесь не всё так однозначно. Имеет смысл рассмотреть данный вопрос подробнее.

На первых порах обнаружения подобного оружия, исследователи не озадачивались терминологией, называя его просто «**топором**» или «**топориком**» (например: Прушевская 1917, с. 53–54). Однако впоследствии, зачастую для одного и того же вооружения (или близкого морфологически) стали предлагаться разные термины. Так, для боевых «топоров», известных на территории Сибири, особенно в Минусинской котловине, где они чрезвычайно широко представлены в тагарской культуре, а также в области ананьинской культуры Прикамья, стали использовать термин «**клевец**», зачастую распространяя это понятие и на весьма значительное число «топоров», чаще всего, изготовленных из бронзы (Киселёв 1949, с. 115; Збруева 1952, с. 104, 107). Единицы подобного оружия, встреченного в древностях савроматской культуры Поволжья и Приуралья, также стали именовать

клевцами (Смирнов 1961, с. 75). Близкая ситуация в терминологической оценке данного вида боевых «топоров» имела место и для сакских древностей Евразийской степи, например, Приаралья: их именуют **клевцами**, **клевцами-чеканами** (Вишневская 1973, с. 98), либо **клевцами** (Яблонский 1996, с. 43).

Этот же термин был распространен, начиная с 1960-х годов, и на небольшую группу ударного оружия данного типа, известную в скифских древностях Северного Причерноморья (Іллінська 1961, с. 34; Мелюкова 1964, с. 67–68).

Между тем, специалисты, изучающие культуры скифского времени Сибири, в частности карасукскую и особенно тагарскую, ударное оружие ближнего боя стали однозначно именовать **чеканами** (Членова 1967, с. 25, 357, табл. 7; 1981, с. 47). При этом отмечали особенность указанного оружия: у него суживающееся, заострённое лезвие или боёк.

К слову сказать, наименование данного оружия именно чеканом — не случайно. Ещё ранее, в 1950-х гг., М. П. Грязнов, предложил дифференцировать такие «топоры» на две группы: *чеканы* — оружие с *прямым* остриём, *клевцы* — с остриём, *клювовидно загнутым* (Грязнов 1956, с. 39). Именно это предложение было поддержано Н. Л. Членовой, отметившей, что в тагарской культуре оружия с загнутым бойком, т. е. клевцов, нет (Членова 1967, с. 25).

Между тем, археологи-кавказеды, во всяком случае, начиная со времени Е. И. Крупнова и позже, подобное биметаллическое ударное оружие ближнего боя определяли термином «топоры-клевцы» (Крупнов 1960, с. 205; Виноградов 1972, с. 125–127; Козенкова 1995, с. 75–76; 2013, с. 103–106).

Впоследствии термин «чекан» стал устойчиво использоваться при обозначении данного ударного оружия ближнего боя в культурах скифо-сибирского мира Евразии и особенно — упомянутой тагарской культуры Минусинской котловины (например: Васильев 2001; Субботин 2014, с. 16–20). Более того, им стали называть зачастую и ударное оружие, найденное, например, на Урале (Таиров 2010), Северном Кавказе (Пьянков, 2005) и в Северном Причерноморье (Подобед, Ключнев 1993; Подобед 1994).

Ныне сложилась тенденция, когда некоторые образцы упомянутого вооружения скифской эпохи, трактуемые одними исследователями в качестве чеканов, другими, без всяких оговорок или с таковыми, называются клевцами (Алексеев 1992, с. 105–106; 2003, с. 50–52; Иванчик 2001, с. 42–43, 46–47; Балахванцев 2011; 2015; Папуашвили, Балахванцев 2016). Так, А. Ю. Алексеев допускал, что термин «чекан», возможно, более точен, применительно к данному оружию, но «по традиции», и, учитывая наличие под бойком «клюва хищной птицы», его можно именовать «клевцом» (Алексеев 2003, с. 50, сноска 16).

Пожалуй, следует сказать ещё, что существует мнение и о тождестве понятий «чекан» и «клевец», встречаемое в ряде работ (Кочеев 1988, с. 146 — 148; Горелик 1993, с. 53; Курочкин, Субботин 1993, с. 192), в том числе — новейших (Дударев 2024, с. 190). Собственно говоря, ещё ранее эта мысль в некоторой степени нашла отражение в монографии О. А. Вишневской (Вишневская 1973, с. 98).

И, всё же, тезис о различии во внешнем облике этих двух категорий боевых топоров ударного действия и, соответственно, — необходимости использовать в конкретных случаях особый термин или понятие, бытует и поныне. Иными словами, подход М. П. Грязнова, предложенный ещё в 1956 г., вовсе не устарел. Так, Е. В. Черненко, работая над типологией боевых скифских топоров, выделял в группе однолезвийного оружия чеканы и клевцы-топоры. При этом, не останавливаясь на особенностях клевцов-топоров, он разделил чеканы на несколько подгрупп: *дуговидные*, с *расширяющимся обухом* (длиннообушные и короткообушные) и с *прямым обухом* (Черненко 1980, с. 88).

Исходя из конструктивных отличий, В. А. Кисель относит к *чеканам* ударное оружие ближнего боя со стержневидным бойком, *клевыми* же считает оружие с ножевидным бойком (Кисель 2008, с. 112).

Наконец, относительно недавно А. В. Шелехань также предложил выделять в совокупности боевых топоров скифского типа в Северном Причерноморье, наряду с иным оружием, две подгруппы — чеканы и клевцы. Чеканы, по мнению А. В. Шелеханя, это образцы оружия с прямой боевой частью (автор указывает лишь на одну находку подобного оружия — из Орехово), клевцы же имеют изогнутый профиль. В подгруппе «клевы» А. В. Шелехань выделяет 3 типа (Шелехань 2012, с. 6).

Примечательно, что оба автора, по большому счёту, ориентировались на признаки чеканов и клевцов, предложенные — как уже отмечалось — ещё в 1950-х гг. М. П. Грязновым, однако без ссылки на первоисточник. Стоит отметить, что в статье А. В. Шелеханя, на одной из иллюстраций, приводится совершенно разное с точки зрения морфологических признаков оружие, но именуется, при этом, «чеканами» (Шелехань 2012, с. 5, рис. 2).

Подчеркнём, что сам по себе, дифференцированный подход к ударному оружию ближнего боя, с использованием терминов «чекан» и «клевец», представляется верным. Мы определяем **чекан** как ударное оружие ближнего боя с прямой боевой частью, заканчивающейся с одной стороны заострённым бойком, с другой — разной длины молоточковидным обухом. У чекана *никогда* нет сочетания бойка и широкого лезвия, свойственного топору. **Клевец** же имеет *изогнутый* клювовидный профиль, обычно молоточковидный обух, хотя изредка у него присутствует широкая, рубящая часть, обычная

для топоров (например, бронзовый экземпляр из Цукур-Лимана, на Тамани, и железный, найденный на Трахтемировском городище, в бассейне р. Рось) (Прушевская 1917, с. 53–54, рис. 11; Ковпаненко 1971, с. 119, рис. 2: 41).

Таким образом, говоря о чеканах, в частности биметаллических, мы имеем в виду оружие, соответствующее приведенным выше критериям.

Почти неперменной особенностью биметаллических чеканов является наличие под бойком отлитой вместе с втулкой в различной степени стилизованной головки хищной птицы, хотя в некоторых немногочисленных случаях эта деталь отсутствует. Между тем, говоря о биметаллических чеканах, имеет смысл рассматривать не только экземпляры, внизу бойка которых расположена головка хищной птицы, но и биметаллические чеканы без подобных головок, или имеющих под бойком выступ в виде «палочки». Основание для этого есть вполне убедительное — литые втулки чеканов с головкой хищной птицы и без таковой изготовлены сходным образом и достаточно близки внешне, отличаясь лишь в деталях.

Данное ударное оружие вполне обоснованно трактуется многими исследователями в качестве одного из выразительных элементов древнейшей культуры кочевников раннего железного века, аутентичного или привнесённого извне: у собственно скифов (например: Пиотровский 1989, с. 8; Подобед, Ключнев 1993; Подобед 1994, с. 161; Балахванцев 2011, с. 44–49; 2015, с. 24 и др.) и племён «скифского круга» — саков, савроматов (например: Смирнов 1961, с. 75; Курочкин, Субботин, 1993, с. 61–62; Дударев, 1998, с. 89). Впрочем, есть мнение о них, как элементах киммерийско-скифской паноплии (например: Алексеев 1992, с. 37; 2003, с. 50) или одной из категорий материальной культуры собственно киммерийцев (например: Иванчик 2001, с. 49).

К какому бы историческому этносу не принадлежали носители биметаллических чеканов, этот вид оружия маркирует направления и маршруты древнейших кочевников раннего железного века: исходные территории, места пребывания кочевников в ходе тех или иных военных акций, пути возвращения на историческую родину.

Тезис о роли этого вооружения в качестве надёжного маркера евразийских перемещений кочевников эпохи скифской архаики был сформулирован уже более 30 лет назад и подкреплён последующими изысканиями. «Биметаллические чеканы — совершенно справедливо подчёркивал А. Ю. Алексеев — одна из немногих категорий, которая в *наибольшей степени* характеризует направление и маршрут ранней волны кочевников» (Алексеев 1992, с. 37; 2003, с. 50).

Биметаллические чеканы известны в науке довольно давно, причём не столько артефакты в погребениях или на поселениях, сколько случайные находки. Однако уже с середины 50-х гг. XIX в.

подобные чеканы находят в погребениях, в частности Ананьинского могильника в Поволжье, в ходе раскопок П. В. Алабина (1858) и П. А. Пономарёва (1877), хотя какого-либо особенного внимания им, конечно, в ту пору не уделяется (Васильев 2002, с. 276, 278, кат. II-49, II-52). Известны находки чеканов и в последующее время.

Примерно с начала 1980-х гг. интерес к этой группе вооружения значительно возрос.

Подтверждение сказанному — публикации в различных научных изданиях чеканов, найденных недавно при тех или иных обстоятельствах, или экспонатов, обнаруженных ранее и хранящихся ныне в основном в музейных собраниях (Ünal 1982, S. 65—81; Могильников 1992, с. 279; Подобед, Ключнев 1993; Зыков и др. 1994, с. 145, № 193; Curtis, Kruszyński 2002, p. 74, fig. 43, N 178; Пьянков 2005, с. 280—281; Мурзин, Шлайфер 2007, с. 111; Таиров 2010; Таиров, Боталов 2010, с. 55—68; Балахванцев 2011; Папуашвили, Балахванцев 2016, с. 291, рис. 1: 1; 2: 9; Эрдэнэ-Очир, Батсук 2018; Кочкина, Стащенко 2020, с. 188—189, рис. 1: 4, 5, илл. 5; Дударев 2024). При этом, в ряде работ затрагивались или рассматривались вопросы ареала биметаллических чеканов, их генезиса, хронологии, путей распространения данного вооружения (Членова 1981, с. 5, рис. 1; Кузьминых 1983, с. 142; Kossack 1983, S. 181, Karte; Пиотровский 1989, с. 10, рис. 8; Курочкин, Субботин 1993, с. 8; Алексеев 1993, с. 105—106; 2003, с. 50—52; Подобед 1994; Дударев 1994; 1998, с. 89; 2024, с. 192—195, 197—198; Иванчик 2001, с. 42—43, 46—47; Козенкова 2014; Балахванцев 2015; Эрдэнэ-Очир, Батсук 2018, с. 70—72).

Авторы указанных работ оперировали различной источниковой базой. До определённой поры наиболее представительной она была в статье А.В. Балахванцева: **15** экз. (Балахванцев 2015, с. 23).

Позже нами также изданы работы, в которых рассмотрен ряд вышеупомянутых вопросов. В них было учтено **24** биметаллических чекана (Скорый, Зимовец 2023; Скорый, Зимовец 2023; Skory, Zimovets 2023). В данной монографии источниковая база по интересующим нас биметаллическим чеканам увеличилась на **28** неизвестных ранее находок, т. е. более чем на половину от известного совсем недавно числа (**24** экз.), составив **52** экз. (см. главу I, рис. 2—7).

Ныне становится очевидно, что ареал таких чеканов обширен, охватывая ряд регионов Евразии: Прикубанье, Северный и Южный Кавказ, Малую Азию (Анатолия) и, вероятно, Переднюю Азию, Поволжье, Приуралье, Центральную Азию (Приаралье), Северную Азию (Сибирь), степную и лесостепную зоны Северного Причерноморья (рис. 1).

Существенно, что все новые, ставшие доступными нам для исследования чеканы являются *целыми экземплярами*. Сведения о новых

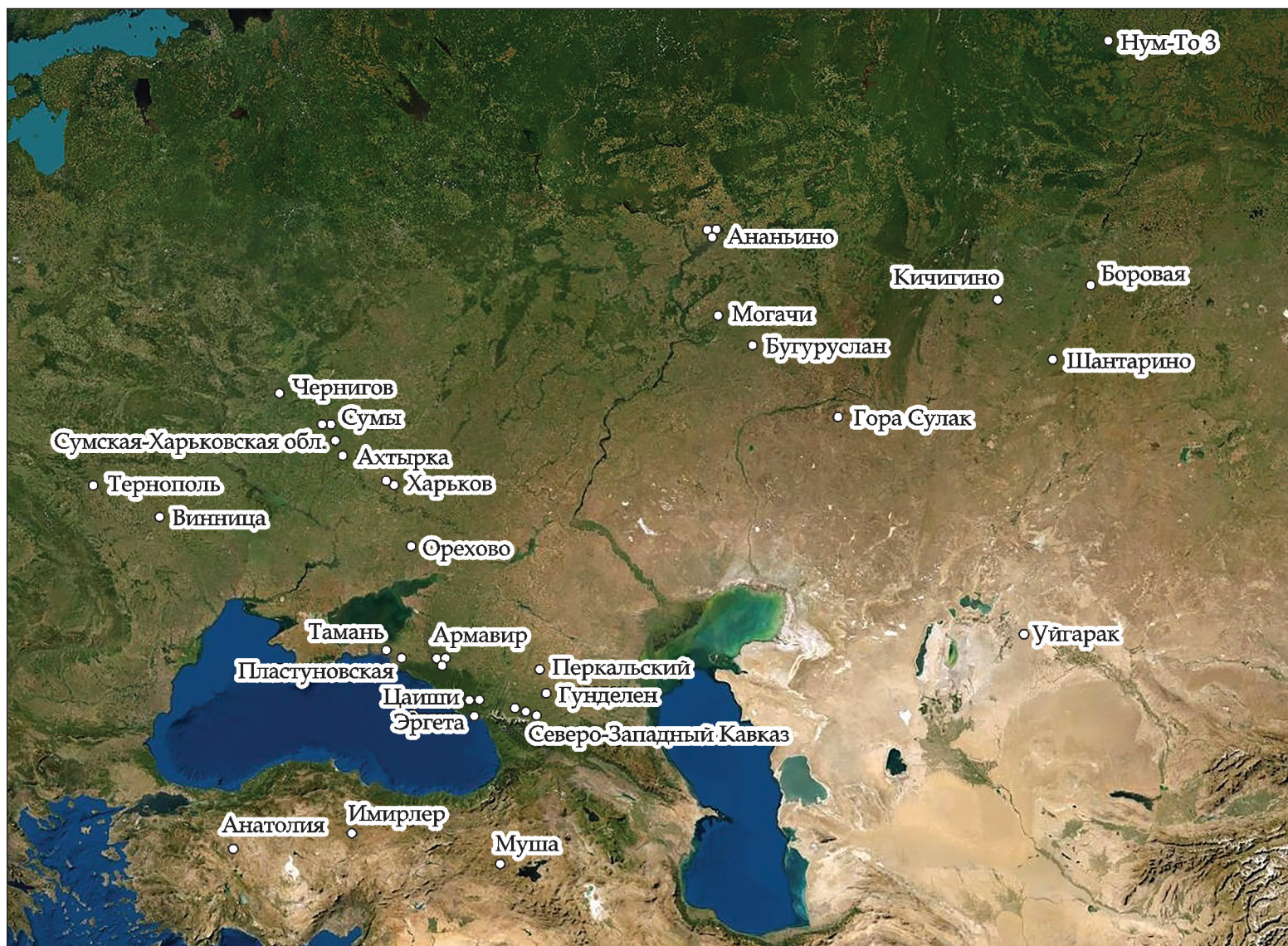

Рис. 1. Карта находок биметаллических чеканов на территории Евразии

Fig. 1. The Map of finds of bimetallite pickaxes on territory of Eurasia

находках биметаллических чеканов поступили к нам из разных источников, по большей части — из социальных сетей. К сожалению, практически все артефакты, после их обнаружения, попали в частные коллекции и известны, за редким исключением, по цветным фотографиям, иногда весьма качественным, на которых представлен не только внешний вид этого оружия, но и его детали.

Мы достаточно долго размышляли, нужно ли учитывать при изучении данного оружия, во всяком случае, — разработке его типологической классификации, эти «случайные» находки, не попавшие в государственные музеи или научные институты и осевшие, чаще всего, в частных коллекциях¹. То есть, речь идёт о предметах вооружения, хранящихся непосредственно у находчиков либо проданных ими «из рук в руки» коллекционерам или реализованных через различные аукционы, например» «Виолити», что, к сожалению, стало достаточно обычным.

В пользу позитивного ответа на данный вопрос говорят следующие обстоятельства.

1) Игнорирование сведений по всей известной ныне совокупности биметаллических чеканов чрезвычайно исказит наши представления о *степени распространения* данного вида вооружения раннескифской эпохи в Евразии, а, следовательно, *действительной его роли* у племён раннескифской культуры в самом широком понимании этого слова.

2) Несомненно, без учёта подобных находок типологическая классификация данного вооружения будет далека от реального положения дел.

3) Из всей совокупности известных нам ныне чеканов (напомним — их 52 экз.), один чекан найден *на городище*, т. е. вне закрытого комплекса. Еще 11 обнаружены на территории могильников. Однако среди них в *закрытых комплексах* находилось только 6 чеканов из 5 погребений: в кургане № 84 могильника Уйгарак; в Имирлере; кургане «G» в Ананьино; в могильной яме № 11 могильника Эргета II (2 экз.); в погребении № 1 кургана № 5 могильника Кичигино I. При этом сохранность железа / стали боевой части у них — скверная.

Остальные 40 экз. (более 76 %), или почти в 4 раза больше упомянутых артефактов, найдены вне погребальных или поселенческих памятников, либо случайно (например, на вспаханном поле), либо с помощью металлодетектора, на очень небольшой глубине, обычно не более 25—30 см. И эти чеканы, в отличие от обнаруженных в погребениях, имеют, как правило, очень хорошую, а порой — пора-

¹ Нам известно лишь 3 случая нахождения биметаллических раннескифских чеканов в музеях Украины: в Донецком областном краеведческом музее (артефакт из Орехово) и в двух частных: музее истории оружия в Запорожье (чекан, найденный на Тамани) и музее истории оружия Евгения Гредунова (Бровары).

зительную для древнего оружия сохранность. Речь идёт не только о бронзовой втулке, но и железной / стальной боевой части чекана. Обнаружение данного вооружения на небольшой глубине подтверждается целым рядом фото, размещаемым зачастую в социальных сетях.

По-видимому, находки чеканов в указанной ситуации, вне погребальных комплексов и городищ, фиксируют утрату оружия, в первую очередь, на местах *воинских столкновений*. В принципе нельзя исключать и ритуальное «захоронение» оружия в некоторых случаях. Обе эти версии высказывались нами ранее в отношении других категорий скифского вооружения, компактно обнаруженных вне пределов поселенческих и погребальных структур (Скорый, Зимовец 2021, с. 324).

4) Учитывая не столь частую встречаемость этого вооружения как в скифских могилах (или погребениях раннескифской поры), так и в качестве случайных находок (например, по сравнению с акинаками), можно вполне предположить, что биметаллические чеканы являлись неким *статусным* оружием, выделяющих их владельцев из обычной воинской среды.

Таким образом, не учитывать данные находки, на наш взгляд, в силу изложенных выше причин, было бы неблагоприятно.

Разумеется, одним из, несомненно, *негативных моментов* такой информации является то, что находчики биметаллических чеканов или лица, выставляющие их иллюстрации и сведения на сайтах аукционов, часто не сообщают о *реальных местах находок* данного вооружения. И всё же некие географические привязки (область, регион) применительно к местам обнаружения новых, неизвестных ранее наике чеканов у нас есть.

Вначале о новых находках биметаллических чеканов в Украине.

До недавнего времени здесь были известны лишь 2 чекана, случайно обнаруженные близ с. Орехово *Луганской обл.* и г. Ахтырка *Сумской обл.*, т. е. один экземпляр происходил из Степной Украины, другой — Лесостепной Левобережной (Подобед, Кочнев 1993; Скорый, Зимовец 2023; Скорый, Зимовец 2023; Skory, Zimovets 2023).

Недавно нам стали известны сведения о **двух** достоверных находках: биметаллического чекана уникального исполнения, найденного в пойме реки Уды, южнее Харькова, находящегося ныне в частной коллекции² (рис. 5: 4), и чекана, обнаруженного на пограничье Сумской и Харьковской областей, сейчас входящего в коллекцию Музея истории оружия Евгения Гредунова (рис. 4: 10).

Остальные сведения получены с сайтов аукционов, прежде всего, «Виолити».

² В 2023 г. он издан и стал доступным для изучения: Окатенко, Скорый, Зимовец 2023.

Речь идёт о чеканах, найденных в Черниговской (1 экз.; рис. 3: 6) Сумской (2 экз.; рис. 4: 6, 9), Харьковской (?) (3 экз.; рис. 3: 4; 4: 5, 11), Винницкой (рис. 4: 2)³ и Тернопольской областях (рис. 3: 11) и ещё 9 экз., найденных в Украине, без указания региона обнаружения (рис. 3: 1, 2, 10; 4: 7, 8; 5: 1–3; 6: 2).

Таким образом, общее число находок биметаллических чеканов, найденных в Украине, составляет **21 экз.**

Из них **12**, т. е. более половины, обнаружены, как минимум, в 6 современных областях Украины. При этом, доминирует пока *ле-состепной ареал*, а в нём — Левобережье, особенно Харьковская и Сумская области, хотя чеканы встречены (по одному экземпляру) в Луганской, Винницкой, Черниговской и Тернопольской областях. Нужно при этом учесть, что места (конкретные регионы), обнаружения в Украине ещё **10** упомянутых выше чеканов, нам не известны. Иными словами, перечень областей, где найдено это раннескифское вооружение, на самом деле, на украинской территории может быть большим. Однако, даже тот факт, что мы ныне обладаем данными о более чем *двух десятках* биметаллических чеканов в Украине, весьма важен и интересен.

Сведения по ряду иных, не украинских находок (8 экз.) были представлены в социальных сетях и собраны воедино, в основном, на странице Фейсбука осетинского исследователя Марата Цагарати (Владикавказ). По поступившей от него информации, 3 экз. достоверно обнаружены в районе Армавира в Прикубанье (рис. 2: 5; 3: 9; 4: 4)⁴; 3 чекана происходят с территории Западного Кавказа (конкретно, откуда — не ясно; рис. 2: 2, 3; 4: 3). Места находок ещё двух экземпляров (рис. 3: 3; 5: 5)⁵ также не известны.

Наконец, нужно упомянуть ещё одну случайную недавнюю находку из Поволжья (с. Молгачи Самарской обл.; рис. 3: 7), опубликованную и ставшую достоянием науки (Кочкина, Сташенков 2020, с. 188–189, рис. 1: 4, 5, илл. 5).

Таким образом, для **15 из 28 «новых»** экземпляров есть *определённые* географические привязки (рис. 1). Примечательно, что практи-

³ Фото чекана из Винницкой области недавно опубликовано в статье С. Л. Дударева (2024, с. 195–196, рис. 2: 4, 5).

⁴ Одному из этих чеканов (рис. 2: 5) посвящена небольшая работа С. Л. Дударева, где приводятся иллюстрации данного артефакта с указанием, что он найден в районе Майкопа в Адыгее (Дударев 2024, с. 190), что представляется достаточно дискуссионным. Впрочем, в любом случае, речь идёт о Северном Кавказе.

⁵ Один из этих двух чеканов, найденных на Кавказе, конкретное место обнаружения его не известно (см. в данной работе рис. 5: 5), в статье С. Л. Дударева определён как артефакт, происходящий «с запада Харьковской области» (Дударев 2024, с. 195–196, рис. 2: 1–3), что крайне сомнительно.

чески все названные чеканы имеют под бойком литую головку хищной птицы.

Безусловно, с географическими привязками находок следует быть очень осторожными: мы имеем дело не с документированными исследователями артефактами. Тем не менее, в любом случае следует обратить внимание на тот факт, что изрядная часть находок последних лет происходит с территории Украины и Кавказа. Более того, именно эти территории (особенно Украина) в настоящее время «лидируют» с точки зрения количества находок. Конечно, нельзя исключать тот факт, что данное количественное соотношение является следствием более активного применения металлодетекторов в указанных ареалах по сравнению с иными территориями Евразии. Тем более, что данные территории являются более обжитыми, по сравнению с бескрайними и зачастую до сих пор пустынными просторами Азии. Тем не менее, сам факт такой количественной пропорции однозначно свидетельствует в пользу определенной популярности данного оружия ближнего боя в указанных регионах в короткий период раннескифского времени, связанного с переднеазиатскими военными акциями.

ГЛАВА

1

CHAPTER

ТИПОЛОГИЯ
БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ
ЧЕКАНОВ

TYPOLGY
OF BIMETALLIC
PICKAXES

Увеличение источниковой базы хорошо сохранившимися экземплярами позволяет ныне обратиться к вопросу о *типологической классификации* всех известных нам биметаллических чеканов в Евразии. Перед этим необходимо дать оценку сохранности вооружения.

С точки зрения сохранности все чеканы могут быть разделены на несколько групп:

1) с целиком сохранившимися железной / стальной боевой частью и бронзовой втулкой, дающие *полное представление* о внешнем виде данного ударного оружия — 35 из 52 экз., т. е. более 67 % общего количества чеканов (рис. 2: 1–5, 7, 9; 3–5).

2) с сохранившимися по форме и размерам железной / стальной боевой частью, но весьма повреждённой коррозией, и бронзовой втулкой, дающие *в целом представление* о внешнем виде оружия — 6 экз. (рис. 2: 8; 6: 1–5);

3) с фрагментированной с одной из сторон (3 экз. — обух, 3 экз. — боёк) железной / стальной боевой частью и бронзовой втулкой, дающие *вероятное (предполагаемое) представление* о внешнем виде оружия (рис. 2: 6; 6: 6–10);

4) сильно фрагментированные экземпляры, которые представлены, по сути, лишь бронзовыми втулками и невыразительными фрагментами железной / стальной боевой части, судить о внешнем виде которой *невозможно* — 5 экз. (рис. 7). Эти находки можно и должно привлекать лишь при учёте известного нам количества чеканов и оценке вариантности литых бронзовых втулок.

В целом же, учитывая, что более 76 % общего числа находок биметаллических чеканов (47 экз.) имеет вполне презентабельный вид, у нас есть досточно объективные основания для осуществления *типологической классификации* данного вида ударного оружия ближнего боя.

Добавим, что втулки практически всех биметаллических чеканов отлиты из бронзы с большим содержанием меди. Из оловянистой бронзы изготовлены лишь один или два экземпляра из числа чеканов, цветными фотоиллюстрациями которых мы располагаем.

КРИТЕРИИ-МАРКЕРЫ ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Несомненно, основным из них является форма бойка чекана: *узкая кирковидная* или *широкая клинковидная*. Именно эта особенность позволяет разделить все известные ныне биметаллические чеканы на 2 отдела.

Отдел 1. Чеканы с кирковидным, узким бойком, сужающимся к острию, обычно ромбовидным в сечении. Для них характерен довольно длинный, прямой молоточковидный обушок, в ряде случаев, не уступающий по длине кирковидному бойку (рис. 2: 1–5, 7–9). Хотя у чекана, найденного случайно в Малой Азии (Турция) обушок обломан (рис. 2: 6), он, несомненно, относится к данному отделу.

Чеканы этого отдела представлены пока 9 экз., т. е. составляют примерно 19 % или более 1/5 от общего количества известных в данный момент находок, которые в силу сохранности могут быть классифицированы. Иными словами, они, в любом случае, демонстрируют собой относительно редкую форму.

В их числе чеканы различной степени сохранности, но, прежде всего, первой-второй из упомянутых выше групп. Судя по целиком сохранившимся экземплярам чеканов этого отдела, их общая длина варьировала от 16 (Нум-то III) до 26 см (Ахтырка).

Учитывая внешний вид обушка, в данном отделе чеканов можно выделить 2 типа.

Тип 1. Чеканы с кирковидным бойком, таким же *узким* молоточковидным обушком, ромбовидным в сечении, по ширине не превышающим боёк (6 экз.).

К ним относятся экземпляры из Северного Причерноморья (Ахтырка); Западного Кавказа (2 экз.); Тамани; Прикубанья (Армавир); Малой Азии (Турция) (рис. 2: 1–6).

Тип 2. Чеканы с кирковидным бойком, *широким* плоским, молоточковидным обушком, ширина которого превышает ширину бойка (3 экз.).

Речь идет о чеканах из Приуралья (Бугуруслан); Поволжья (Ана-ныно, могила «G»); Западной Сибири (Нум-то III) (рис. 2: 7–9).

Несмотря на небольшое количество, ареал чеканов отдела I весьма широк: Северное Причерноморье; Тамань; Кубань; Западный Кавказ (2 экз.); Поволжье; Приуралье; Западная Сибирь; Малая Азия (Анатолия) (рис. 1).

При этом, похоже, что «кирковидные» чеканы 1-го типа были более присущи западным территориям Евразии, а 2-го типа — восточным. Но это наблюдение сделано пока на небольшом, в общем-то, числе находок.

Все «кирковидные» чеканы имеют более-менее сходную литую втулку, однако варьирующую в деталях. Так, у 7 из них сверху распо-

ложен в той или иной степени колпачок, закрывающий «цилиндр» втулки (рис. 2: 1–6, 8). Он может быть округлой или овальной формы, слегка выпуклым, плоским или украшенным круговыми резными линиями.

Оформление верхней части втулки ещё двух экземпляров этого отдела достаточно оригинально. У чекана из Бугуруслана (Приуралье) верх втулки украшен литой головкой хищной птицы. Вторая головка расположена ниже, под бойком (рис. 2: 7). Экземпляр, найденный на городище Нум-то III (Западная Сибирь), имеет удлинённую втулку, основательно выходящую вверх, за пределы боевой части, плавно изогнутую с округлым слегка сужающимся окончанием (рис. 2: 9). Подобного оформления втулки нет более ни у одного из известных нам биметаллических чеканов.

Поверхность у большинства втулок чеканов этого отдела — гладкая и лишь у двух (Ахтырка; Тамань) имеет следы лёгкой огранки.

Следует отметить и иные вариации оформления верхней части корпуса бронзовых втулок. Речь идёт о наличии или отсутствии *горизонтальных валиков различной ширины, их взаиморасположении*. Правда, для трёх экземпляров (Таманский полуостров; один из чеканов из района Армавира⁶, Прикубанье; один из экземпляров в Ананьинском могильнике, Поволжье), в связи с плохой сохранностью втулок говорить об этой черте затруднительно (рис. 2: 4, 5, 8).

В остальных случаях ситуация такова: один экземпляр (Бугуруслан) имеет гладкую втулку (рис. 2: 7), чеканы, найденные в Ахтырке (Днепровское Лесостепное Левобережье), один с Западного Кавказа, Турции (Анатолия?) украшены одним валиком (рис. 2: 1, 2, 6); один из чеканов, обнаруженный на Западном Кавказе (?), декорирован тремя валиками — широким, центральным и двумя более узкими с двух сторон (рис. 2: 3); наконец, чекан из Нум-то III (Западная Сибирь) украшен четырьмя узкими валиками (по два), ограничивающими с двух сторон железную / стальную боевую часть (рис. 2: 9).

Семь из девяти чеканов этого отдела украшены литыми головками хищных птиц, важным признаком, свойственным большинству биметаллических чеканов, но и здесь имеют место варианты. Несмотря на то, что у трёх экземпляров нижняя часть головы — клюва обломаны, вполне очевидно, что головка хищной птицы, находящаяся, под кирковидным бойком, чаще всего располагалась в горизонтальном положении, клювом вперёд (рис. 2: 1, 2, 4–6, 8). Исключение

⁶ Сохранность одного из чеканов, найденных близ Армавира (Майкопа?; рис. 2: 5) такова, что говорить о наличии указанных валиков («рельефных поясков») — как это имеет место в статье С. Л. Дударева (2024, с. 191, рис. 1а) — не приходится. В равной степени сложно рассуждать о деталях изображения головки хищной птицы под бойком, поскольку нижняя часть головы-клюва обломана.

составляет лишь литая головка из Бугуруслана, изображённая клювом вниз (рис. 2: 7).

У чекана, найденного в Турции, под кирковидным бойком находится стилизованная головка хищной птицы, а под молоточковидной частью — кольцо (рис. 2: 6). Похоже, что кольцо находится в верхней части втулки, под бойком, у одного из чеканов, найденных на Западном Кав-

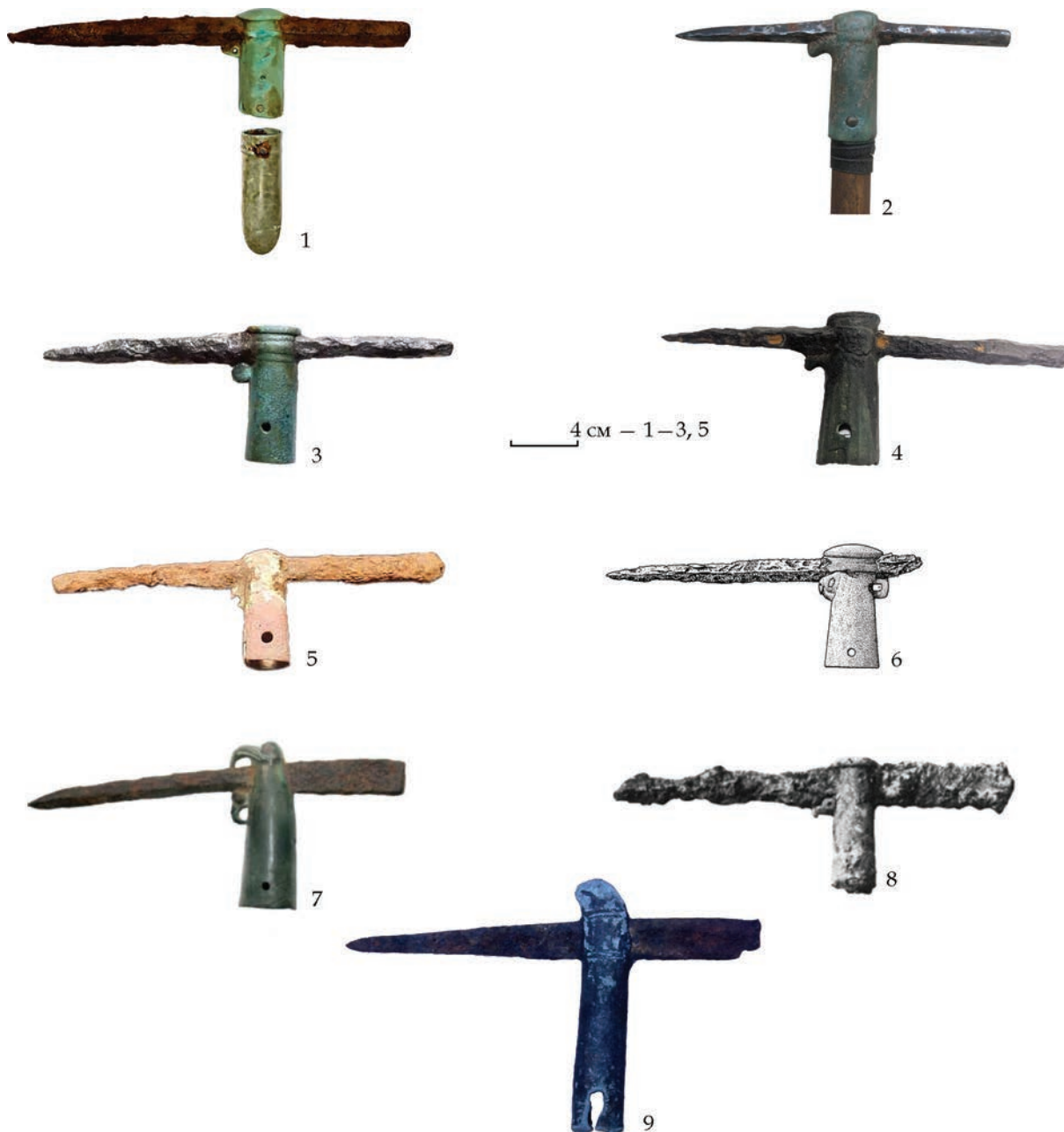

Рис. 2. Биметаллические чеканы. Отдел I:

Fig. 2. Bimetallic pickaxes. Section I:

1 — Ахтырка, Сумская область, Левобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 2, 3 — Западный Кавказ, случайные находки; 4 — Таманский полуостров, случайная находка; 5 — район Армавира, Краснодарский край, Прикубанье, случайная находка; 6 — Британский музей, Турция, случайная находка; 7 — Бугуруслан, Оренбургская область, Приуралье, случайная находка; 8 — Ананьино, Елабужский р-н, Татарстан, Прикамье, грунтовый могильник, погребение «G»; 9 — городище Нум-то III, Западная Сибирь. 2, 3, 5, 7 — частные коллекции. **Здесь и далее:** на таблицах, в большинстве случаев, рисунки даны без масштабов, в связи с их отсутствием.

1 — по Скорый, Зимовец 2023, с. 36, рис. 12; 2, 3, 5 — по интернет-сводке Марата Цагараты (Владикавказ); 4 — по Мурзин, Шлайфер 2008, с. 51, рис. 9; 6 — по Curtis, Kruszynski 2002, p. 74, fig. 43, N 178; Forgotten Empire 2005, p. 234, N 438; 7 — по Балахванцев 2011, с. 49; 2015, цветная вкладка, рис. 1; 8 — по Васильев 2002, с. 276, кат. II-49; 9 — по Зыков и др. 1994, с. 145, № 192

1 — Akhtyrka, Sumy region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 2, 3 — Western Caucasus, come-by-chances; 4 — Taman peninsula, come-by-chance; 5 — district of Armavir, Krasnodar region, Kuban, come-by-chance; 6 — British Museum, Turkey, come-by-chance; 7 — Buguruslan, Orenburg region, Ural, come-by-chance; 8 — Ananyino, Elabuga district, Tatarstan, Kama-river region, grave «G»; 9 — settlement Num-to 3, Western Siberia. 2, 3, 5, 7 — private collections. **Here and further:** on tables, in most cases, pictures are given without scales, in connection with their absence.

1 — after Скорый, Зимовец 2023, с. 36, рис. 12; 2, 3, 5 — after the internet-report of Марата Цагараты (Vladikavkaz); 4 — after Мурзин, Шлайфер 2008, с. 51, рис. 9; 6 — after Curtis, Kruszynski 2002, p. 74, fig. 43, N 178; Forgotten Empire 2005, p. 234, N 438; 7 — after Балахванцев 2011, с. 49; 2015, цветная вкладка, рис. 1; 8 — after Васильев 2002, с. 276, кат. II-49; 9 — after Зыков и др. 1994, с. 145, № 192

казе (?) (рис. 2: 3). Наконец, у экземпляра из Нум-то III какие-либо литые дополнительные детали на втулке отсутствуют вовсе (рис. 2: 9).

На всех втулках, внизу, расположены, напротив друг друга, круглые отверстия, в которые вставлялся штифт, закрепляющий чекан на деревянной рукояти. У клевца из Ахтырки он — бронзовый. У иных экземпляров данного отдела штифты отсутствуют.

Различие по форме молоточковидных обушков у «кирковидных» чеканов, вариантность деталей бронзовых втулок (лишь в двух случаях они более или менее близки по всем признакам) говорит в пользу того, что они изготавливались в различных мастерских евразийского региона. В целом небольшое число «киркообразных» биметаллических чеканов, похоже, указывает на то, что особой популярности в военном деле кочевников эпохи архаики они не получили.

Лишь один чекан этого отдела (Ахтырка) найден в комплекте с бронзовым цилиндрическим втоком, имеющим округлое окончание. Вток закреплялся на рукояти с помощью железного горизонтального штифта, пропущенного с двух сторон (рис. 8: 4).

Отдел II. Чеканы с клинковидным широким бойком и широким, но более коротким обушком. Боевая часть у чеканов этого отдела, закреплённая в бронзовую втулку, действительно весьма схожа с двулезвийным клинком кинжала скифской поры. Более того, можно вполне полагать, что появление боевой части именно такой формы генетически восходит к форме клинка акинака.

Рис. 3. Биметаллические чеканы. Отдел II, тип 1: Fig. 3. Bimetallic pickaxes. Section II, type 1:

1, 2, 10 — Украина, места обнаружения не известны, случайные находки; 3 — место обнаружения не известно, случайная находка; 4 — Харьковская область, Левобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 5 — район Муша, Восточная Анатолия, Турция, случайная находка; 6 — Черниговская область, Левобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 7 — Молгачи, Самарская область, Поволжье, случайная находка; 8 — гора Сулак, Поволжье, случайная находка; 9 — район Армавира, Краснодарский край, случайная находка; 11 — Тернопольская область, Правобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 12 — Боровая, Западная Сибирь, случайная находка.

1, 2, 6, 10, 11 — по сайт Виолити; 3, 9 — интернет-сводке Марата Цагараты; 4 — частная коллекция; 5 — по Иванчик 2001, рис. 22: 9; 7 — по Кочкина, Сташенков 2020, с. 188–189, рис. 1: 4, 5, илл. 5; 8 — по Смирнов 1964, рис. 77: 16; Иванчик 2001, с. 46, рис. 22: 2; 12 — по Могильников 1992, с. 279

1, 2, 10 — Ukraine, the places of discovery are unknown, come-by-chances; 3 — the place of discovery is unknown, come-by-chance; 4 — Kharkiv region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 5 — district of Musha, East Anatolia, Turkey, come-by-chance; 6 — Chernihiv region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 7 — Molgachi, Samara region, Volga-river region, come-by-chance; 8 — Sulak mountain, Volga-river region, come-by-chance; 9 — district of Armavir, Krasnodar region, come-by-chance; 11 — Ternopil region, Right-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 12 — Borovaya, Western Siberia, come-by-chance.

1, 2, 6, 10, 11 — after web-site Violity; 3, 9 — after internet-report of Marat Tsagaraty; 4 — private collection; 5 — after Иванчик 2001, рис. 22: 9; 7 — after Кочкина, Сташенков 2020, с. 188–189, рис. 1: 4, 5, илл. 5; 8 — after Смирнов 1964, рис. 77: 16; Иванчик 2001, с. 46, рис. 22: 2; 12 — Могильников 1992, с. 279

Обушок у этих чеканов также широкий, примерно такой же, как боёк, но по длине уступающий ему. На обушке, практически рядом с втулкой, большинство из чеканов имеет отверстие — круглой, овальной или прямоугольной формы. Этим признаком они также отличаются от экземпляров отдела I.

Чеканы с клинковидным бойком составляют на данный момент 38 экз. из общего количества чеканов (47 экз.), форма которых может быть определена, или примерно 81 %. Иными словами, на настоящем этапе исследований, чеканы отдела II более чем в 5 раз превосходят по численности экземпляры отдела I. То есть, они являлись *наиболее распространенной* группой данного вида оружия ближнего боя раннескифской поры.

В их числе чеканы различной степени сохранности, но, прежде всего, первой — второй упомянутых выше групп.

При этом 28 чеканов сохранились очень хорошо (рис. 3–5).

К сожалению, нам не известна общая длина большей части чеканов отдела II: в сетевой информации данные о параметрах оружия приводятся не всегда. Есть лишь сведения о длине 5 экз. Она колеблется от 23 (район Армавира, Краснодарский край) до 31 см (Орехово, Луганская область, Степная Левобережная Украина). То есть, экземпляры этого отдела имели большие размеры, нежели чеканы отдела I.

Ареал «клинковидных» чеканов обширен (рис. 1). Они найдены в Степной части Северного Причерноморья и Лесостепи Юга Вос-

точной Европы; в Прикубанье; на Северном и Западном Кавказе; в Закавказье; Малой Азии (Анатолия); возможно, в Передней Азии; в Поволжье; Приуралье; Южном Зауралье; Центральной Азии (Приуралье); Западной Сибири. В трёх случаях точный регион находок неизвестен.

Подчеркнём, что хотя территория распространения «клинковидных» чеканов (отдел II) во многом совпадает с ареалом «кирковидных» (отдел I), но в целом она всё же — шире.

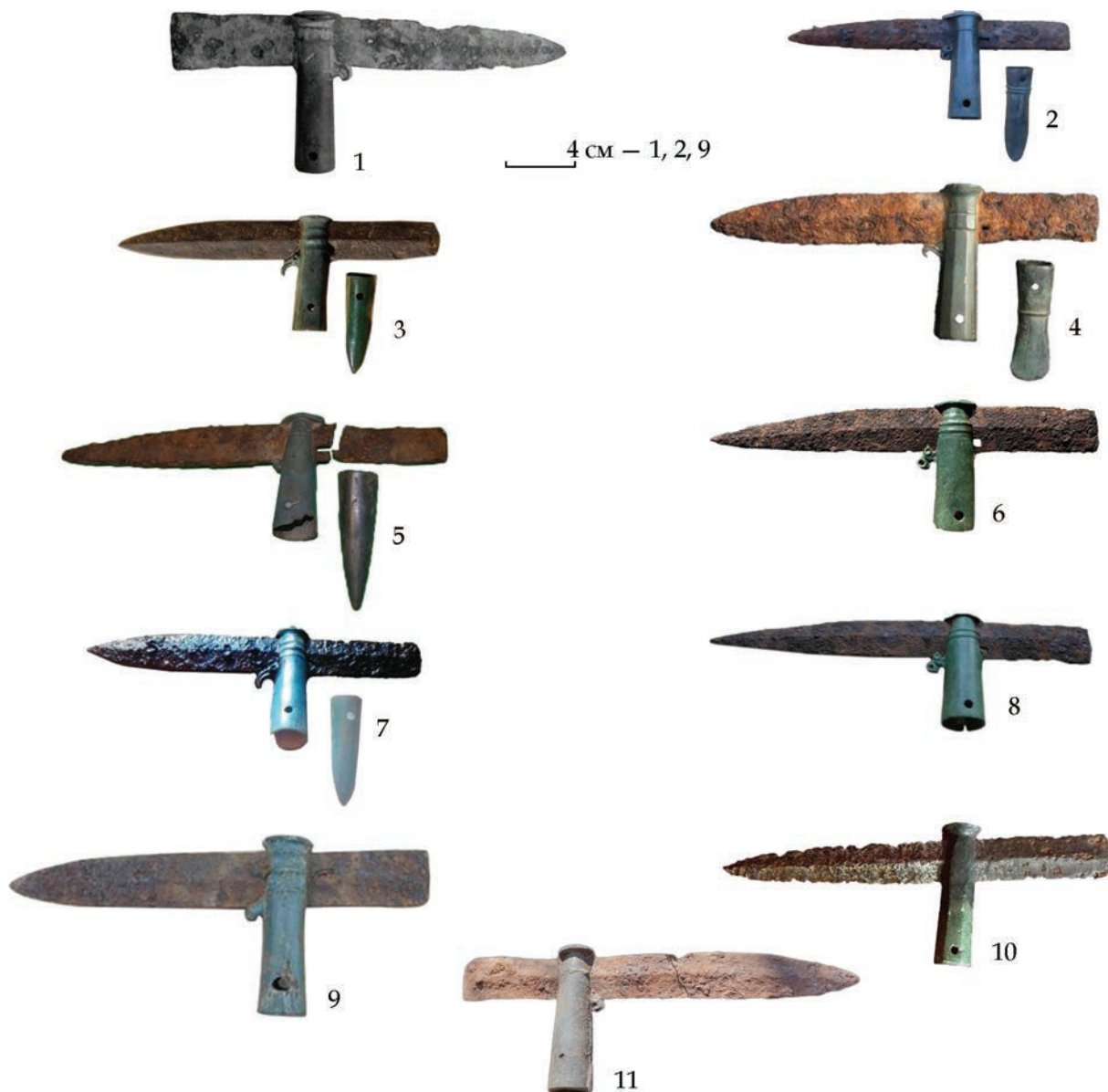

Рис. 4. Биметаллические чеканы. Отдел II, тип 2: Fig. 4. Bimetallic pickaxes. Section II, type 2:

1 — Орехово, Луганская область, Левобережная Украина, случайная находка; 2 — Винницкая область, Правобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 3 — Западный Кавказ, случайная находка; 4 — район Армавира, Краснодарский край, Прикубанье, случайная находка; 5 — Харьковская (?) область, Левобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 6, 9 — Сумская область, Левобережная Лесостепная Украина, случайные находки; 7, 8 — Украина, места обнаружения неизвестны, случайные находки; 10 — пограничье Сумской и Харьковской областей, случайная находка; 11 — Левобережная Лесостепная Украина, Харьковская область (?), случайная находка.
1 — по Подобед-Ключнев 1994, с. 45–46, рис. 53; 2–4 — по интернет-сводке Марата Цагараты; 5–9 — по сайт Виолити; 10 — по лекция Е. Гредунова

1 — Orihove, Luhansk region, Left-bank Ukraine, come-by-chance; 2 — Vinnytsya region, Right-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 3 — Western Caucasus, come-by-chance; 4 — district of Armavir, Krasnodar region, Kuban, come-by-chance; 5 — Kharkiv (?) region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 6, 9 — Sumy region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chances; 7, 8 — Ukraine, the places of discovery are unknown, come-by-chances; 10 — border of Sumy and Kharkiv regions, come-by-chance; 11 — Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance.

1 — after Подобед-Ключнев 1994, с. 45–46, рис. 53; 2–4 — after the internet-report of Marat Tsagaraty; 5–9 — after web-site Violity; 10 — after collection E. Gredunov

Чеканы отдела II, исходя из морфологических особенностей (формы железной / боевой части, втулки) очень близки по исполнению. Тем не менее, учитывая внешний вид боевой железной / стальной части (боёк и обушок), в настоящее время есть определённые основания выделить три типа «клиновидных» чеканов. Разумеется, речь идёт о чеканах хорошей сохранности.

Десять чеканов из отдела II (Метрополитен Музей; Западная Азия (?); Цаиши; Эргета II, Колхида; Имирлер, Малая Азия, Анатолия; Стамбульский музей, Малая Азия (?); Перкальский могильник, Северный Кавказ; Шантарино, Кичигино I, Южное Зауралье; Уйгарак, Приаралье, Центральная Азия; Украина, место обнаружения не известно) из-за сильной коррозии или фрагментарности боевой части отнести к конкретному типу из предложенных ниже — затруднительно (рис. 6).

Нужно отметить и некую вариабельность в оформлении втулок, в основном отлитых из бронзы, о чём речь пойдёт далее.

Тип 1. Чеканы с боевой частью в виде простой плоской пластины.

К их числу ныне можно отнести **12** экз. (3 экз. — Украина, места находок не известны; остальные: Черниговская область; Харьковская область, Левобережная Лесостепная Украина; Тернопольская область, Правобережная Лесостепная Украина; район Армавира, Краснодарский край, Прикубанье; Муша, Восточная Анатолия; Молгачи, Поволжье; Гора Сулак, Приуралье; Боровая, Западная Сибирь; 1 экз. — место находки не известно (рис. 3).

Тип 2. Чеканы с боевой частью в виде пластины с выраженным по центру ребром.

Рис. 5. Биметаллические чеканы. Отдел II, тип 3: 1–3 — Украина, места обнаружения не известны, случайные находки; 4 — в пойме реки Уды, к югу от окраины Харькова, Левобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 5 — место обнаружения не известно, случайная находка.

1–3 — по сайт Виолити; 4 — по Окатенко, Скорый, Зимовец 2023, с. 13–14, рис. 4, 5; 5 — по интернет-сводке Марата Цагараты

Fig. 5. Bimetallic pickaxes. Section II, type 3: 1–3 — Ukraine, the places of discovery are unknown, come-by-chances; 4 — in the floodplain of the Udy river, south of outskirts of Kharkiv, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 5 — the place of discovery is unknown, come-by-chance.

1–3 — after web-site Violity; 4 — after Окатенко, Скорый, Зимовец 2023, с. 13–14, рис. 4, 5; 5 — after the internet-report of of Marat Tsagaraty

В настоящее время нам известно 11 экз. подобных чеканов: 2 экз. — Украина, места находок не известны; Орехово, Степь Левобережной Украины; Винницкая обл., Правобережная Лесостепная Украина; экземпляр из района Армавира, Прикубанье; Западный Кавказ; 2 экз. — Сумская обл.; пограничье Сумской и Харьковской обл.; 2 экз. — Харьковская (?), Левобережная Украина (рис. 4).

Тип 3. Чеканы с боевой частью в виде плоской пластины, декорированные по центру, вдоль, одним или несколькими хорошо выраженными валиками.

Внешне такая боевая часть чекана весьма подобна клинкам некоторых акинаков скифской эпохи.

Пока их известно лишь 5 экз. На боевой части трёх из них чётко и определённо представлены по 3 валика. При этом на двух из них (оба: Украина, места находок не известны) валики имеют одинаковую ширину (рис. 5: 1, 2). Ещё на одном чекане (Украина, юго-западная окраина Харькова) центральный валик — более широкий, боковые — поуже (рис. 5: 4). Наконец у четвёртого и пятого экземпляров (места находок не известны) — лишь один выразительный валик, проходящий вдоль бойка, по центру (рис. 5: 3, 5).

Таким образом, исходя из известных нам данных, в кругу «клинковидных» чеканов наибольшее распространение получило оружие с боевой частью в виде простой плоской пластины или пластины с хорошо выделенным по центру ребром. При этом нужно отметить, что ареал «клинковидных» чеканов типа 1 (по данным, которыми мы располагаем) был обширнее ареала чеканов типа 2, охватывая, в частности, также Восточную Анатолию, Приуралье и Западную Сибирь.

Чеканы же типа 3 — пока малочисленны и встречены в основном в Украине.

Подчеркнём, что такой вариантности в оформлении боевой части чеканов у оружия отдела I не наблюдается.

Втулки «клинковидных» чеканов с точки зрения технологии изготовления и, в целом, внешнего вида подобны втулкам чеканов отдела I, хотя отличаются бóльшим разнообразием декора, а в двух (?) случаях и металлом, из которого они изготовлены.

Внешняя поверхность втулок обычно гладкая, хотя в нескольких случаях (как и у втулок чеканов отдела I) есть следы лёгкой (Черниговская область, Левобережная Лесостепная Украина; Орехово, Левобережная Степная Украина; Винницкая область, Правобережная Лесостепная Украина; рис. 3: 6; 4: 1, 2) или хорошо выраженной (один из чеканов близ Армавира; пограничье Сумской и Харьковской обл., Днепровское Лесостепное Левобережье; юго-западная окраина Харькова) огранки (рис. 4: 4, 10; 5: 4).

Очень редко верхняя часть самой втулки не имеет каких-либо украшений (Боровая, Западная Сибирь; пограничье Сумской и Харь-

Рис. 6. Биметаллические чеканы. Отдел II,

Fig. 6. Bimetallic pickaxes. Section II,

конкретный тип не известен: 1 — Метрополитен Музей, Передняя Азия (?); 2 — Украина, место обнаружения не известно, случайная находка; 3 — Цаиши, Западная Грузия, Колхида, Южный Кавказ, разрушенный грунтовый могильник; 4 — Эргета II, грунтовый могильник, могильная яма № 11, Западная Грузия, Колхида, Южный Кавказ; 5 — Имирлер близ Амасьи, Анатолия, Турция, грунтовое погребение; 6 — Археологический музей в Стамбуле, Малая Азия, случайная находка; 7 — Перкальский могильник, Северный Кавказ, разрушенное погребение кобанской культуры; 8 — Шантарино, Челябинская область, Южное Зауралье, случайная находка; 9 — Кичигино I, могильник, курган № 5, могила № 1, Челябинская область, Южный Урал; 10 — Уйгарак, могильник, курган № 84,

Приаралье, Казахстан, Центральная Азия.

1 — по Пиотровский 1989, рис. 7: 4; Иванчик 2001, рис. 22: 3; Алексеев 2003, рис. 4: 10; 2 — по сайт Виолити; 3, 4 — по Папуашвили, Балахванцев 2016, с. 291, рис. 1: 1, 2; 5, 6 — по Иванчик 2001, с. 47, рис. 22: 7, 12; 7 — по Егоров 1955, с. 60, рис. 20: 3; 8 — по Таиров 2010, с. 108; 9 — по Таиров, Боталов 2012, с. 61, рис. 2: 6, 7; 10 — Вишневская 1973, с. 152, табл. XX: 1, 2

the exact type is unknown: 1 — Metropolitan Museum, Western Asia (?); 2 — Ukraine, the place of discovery is unknown, come-by-chance; 3 — Tsai-shi, Western Georgia, Colchis, South Caucasus, destroyed ground burial necropolis; 4 — Ergeta II, ground burial necropolis, grave pit N 11, Western Georgia, Colchis, South Caucasus; 5 — Imirler near Amasya, Anatolia, Turkey, ground burial necropolis; 6 — Archaeological Museum in Istanbul, Asia Minor, come-by-chance; 7 — Perkalskyi burial ground, North Caucasus, destroyed grave of Koban culture; 8 — Shantarino, Chelyabinsk region, South Ural, come-by-chance; 9 — Kichigino I, burial mound N 5, grave N 1, Chelyabinsk region, South Ural; 10 — Uigarak, burial mound N 84, Aral sea, Kazakhstan, Central Asia.

1 — after Пиотровский 1989, рис. 7: 4; Иванчик 2001, рис. 22: 3; Алексеев 2003, рис. 4: 10; 2 — after web-site Violity; 3, 4 — after Папуашвили, Балахванцев 2016, с. 291, рис. 1: 1, 2; 5, 6 — after Иванчик 2001, с. 47, рис. 22: 7, 12; 7 — after Егоров 1955, с. 60, рис. 20: 3; 8 — after Таиров 2010, с. 108; 9 — after Таиров, Боталов 2012, с. 61, рис. 2: 6, 7; 10 — after Вишневская 1973, с. 152, табл. XX: 1, 2

ковской обл., Левобережная Лесостепная Украина; Кичигино, Южное Зауралье) (рис. 3: 12; 4: 10; 6: 9), но чаще декорирована различным числом горизонтальных валиков. При этом число валиков — более разнообразно. Напомним, что на втулках чеканов отдела I размещены — 1, 3 или 4 валика. У чеканов отдела II на втулке фиксируются: 1 валик, в основном на гладкой поверхности втулки (Гора Сулак, Поволжье; один из чеканов близ Армавира; Прикубанье; Приуралье; Орехово, Степное Северное Причерноморье; Харьковская (?) область, Левобережная Лесостепная Украина; Винницкая область, Правобережная Лесостепная Украина; место находки не известно; Турция, Анатолия (?), Стамбульский музей; Перкальский могильник, Северный Кавказ (рис. 3: 1, 8, 9; 4: 1, 2, 11; 5: 3; 6: 6, 7).

У целого ряда чеканов зафиксированы два валика (Молгачи, Поволжье; Сумская обл., Левобережная Лесостепная Украина; место находки не известно, Украина; Метрополитен Музей, Передняя Азия?; Шантарино, Южное Приуралье; рис. 3: 7; 4: 6, 8; 5: 1; 6: 1, 8); три валика (Черниговская область; Харьковская обл., Левобережная Лесостепная Украина — 2 экз.; Тернопольская область, Правобережная Лесостепная Украина; Западный Кавказ; Муша, Анатолия; Уйгарак, Приаралье, Центральная Азия; 6 экз. — из Украины, точное место

находки не известно; 2 экз. — место находки не известно; рис. 3: 1—6, 10, 11; 4: 3, 5, 7; 5: 1, 4; 6: 10); пять валиков (чекан, место находки не известно; рис. 5: 5). Таким образом, на втулках чеканов отдела II зафиксированы 2 и 5 валиков, не известные пока на чеканах отдела I, но не встречены пока чеканы с 4 валиками, известные среди оружия отдела I. Вместе с тем, абсолютно доминируют чеканы с *тремя валиками* на втулке.

Наличие вообще или количество валиков у двух экземпляров (Эргета-II; Цаиши, Закавказье) из-за плохой сохранности втулок, установить не удаётся (рис. 6: 3, 4).

На большинстве втулок чеканов отдела II (38 из 47 экз.), форма которых может быть определена, также как и у чеканов отдела I, в верхней части, под бойком, расположена головка хищной птицы, отлитая вместе со втулкой. При этом на втулке чекана из Метрополитен Музея (Передняя Азия?) их две — под бойком и под обушком (рис. 6: 1). Обычно головка находится в горизонтальном положении, т. е. параллельно боевой части чекана, клювом вперёд. Но у нескольких чеканов (Гора Сулак; Харьковская область (?), Винницкая область; Шантарينو; Имирлер (?); Уйгарак) она размещена клювом вниз (рис. 3: 8; 4: 2, 11; 6: 5, 8, 10). Чаще всего головки хищной птицы — целые, но в нескольких случаях частично обломаны (Сумская область, Харьковская область (?), Левобережная Лесостепная Украина; Перкальский могильник, Северный Кавказа; место находки не известно; рис. 3: 2; 4: 2, 5, 9; 6: 7).

Лишь у нескольких чеканов отдела II, похоже, изначально отсутствовали подобные украшения (Украина, место находки не известно — 2 экз.; Тернопольская обл., Правобережная Лесостепная Украина; пограничье Сумской — Харьковской обл., Левобережная Лесостепная Украина; Кичигино I, Южное Зауралье; рис. 3: 10—11; 4: 10; 6: 2, 9).

В двух случаях (могильники Цаиши; Эргета II, Колхида, Западная Грузия) чеканы сильно корродированы и неясно, была ли у них под бойком литая птичья головка (рис. 6: 3, 4).

У чекана из Боровой (Западная Сибирь) под бойком, по-видимому, показана не головка хищной птицы, а кольцо (рис. 3: 12). Напомним, что подобные детали зафиксированы и у двух чеканов Отдела I: найденных на Западном Кавказе и на территории Турции (рис. 2: 3, 6).

Чеканы крепились на деревянной ручке посредством штифта (бронзового или железного), который вставлялся в два круглых отверстия, расположенных обычно внизу втулки. Лишь у двух чеканов — из Харьковской обл. (Левобережная Лесостепная Украина) и Кичигино (Южное Зауралье) втулка имеет отверстия снизу и сверху (рис. 5: 4; 6: 9).

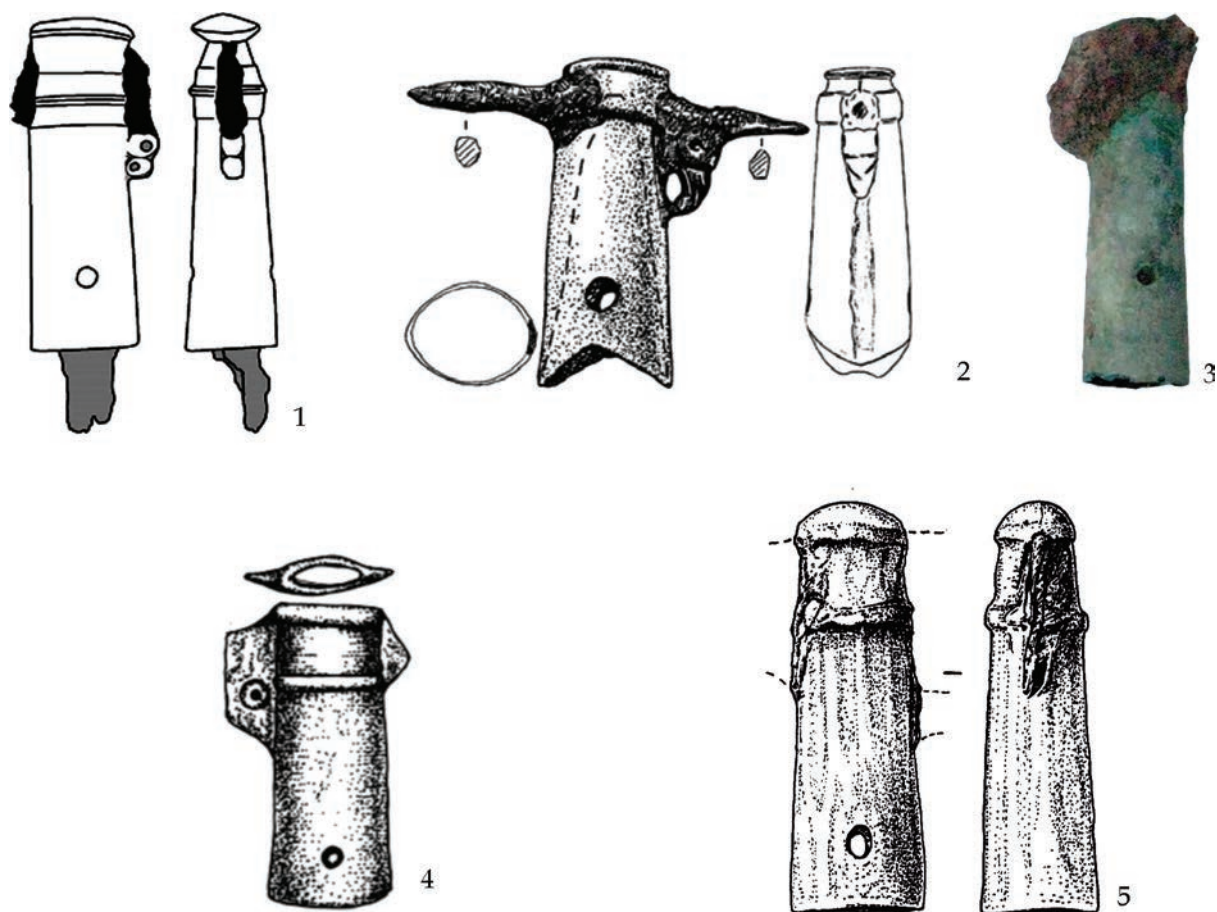

Рис. 7. Сильно фрагментированные биметаллические чеканы: 1 — Ананьино, Прикамье, погребение IX-X-XI; 2 — Ананьино, покупка И. Р. Аспелина в 1870 г.; 3 — Эргета II, могильник, Колхида, могильная яма № 11, Южный Кавказ; 4 — Гунделен, могильник, Кабардино-Балкария, Северный Кавказ; 5 — станица Пластуновская, Краснодарский край, Прикубанье, случайная находка.

1, 2 — по Васильев 2002, с. 278, кат. II-51—52;
3 — по Папуашвили, Балахванцев 2016, рис. 2,
3; 4 — по Виноградов 1972, с. 346, рис. 30; 12;
5 — по Пьянков 2005, рис. 1

Fig. 7. Strongly fragmented bimetallic pickaxes: 1 — Ananyino, Kama-river area, grave IX-X-XI; 2 — Ananyino, purchase of I. R. Aspelin in 1870; 3 — Ergeta II, burial ground, Colchis, grave pit N 11, South Caucasus; 4 — Gundelen, burial ground, Kabardino-Balkariya, North Caucasus; 5 — Plastunovskaya, Krasnodar region, Kuban, come-by-chance.

1, 2 — after Васильев 2002, с. 278, кат. II-51—52;
3 — after Папуашвили, Балахванцев 2016, рис. 2,
3; 4 — after Виноградов 1972, с. 346, рис. 30; 12;
5 — after Пьянков 2005, рис. 1

У двух же чеканов — из Боровой (Западная Сибирь) и собрания Метрополитен Музея, судя по изображениям, отверстия на втулках отсутствуют (рис. 3: 12; 6: 1).

Особого внимания, исходя из разных соображений, заслуживают следующие 3 чекана отдела II: из собрания Метрополитен Музея (Передняя Азия?); один из экземпляров, случайно найденных в Харь-

ковской обл. (Лесостепная Левобережная Украина); чекан из района Армавира (Прикубанье).

У экземпляра из Метрополитен Музея (вероятно, происходящего из Передней Азии?; рис. 6: 1) литая втулка выполнена из серебра, в отличие от всех остальных чеканов, втулки у которых — бронзовые. К тому же, она достаточно своеобразно оформлена в верхней части. У неё — две головки хищной птицы — под бойком и обушком, а также — изображение на шляпке втулки свернувшегося хищника. Скорее всего, данный чекан не являлся в полном смысле боевым оружием, а выполнял некие *церемониальные функции*.

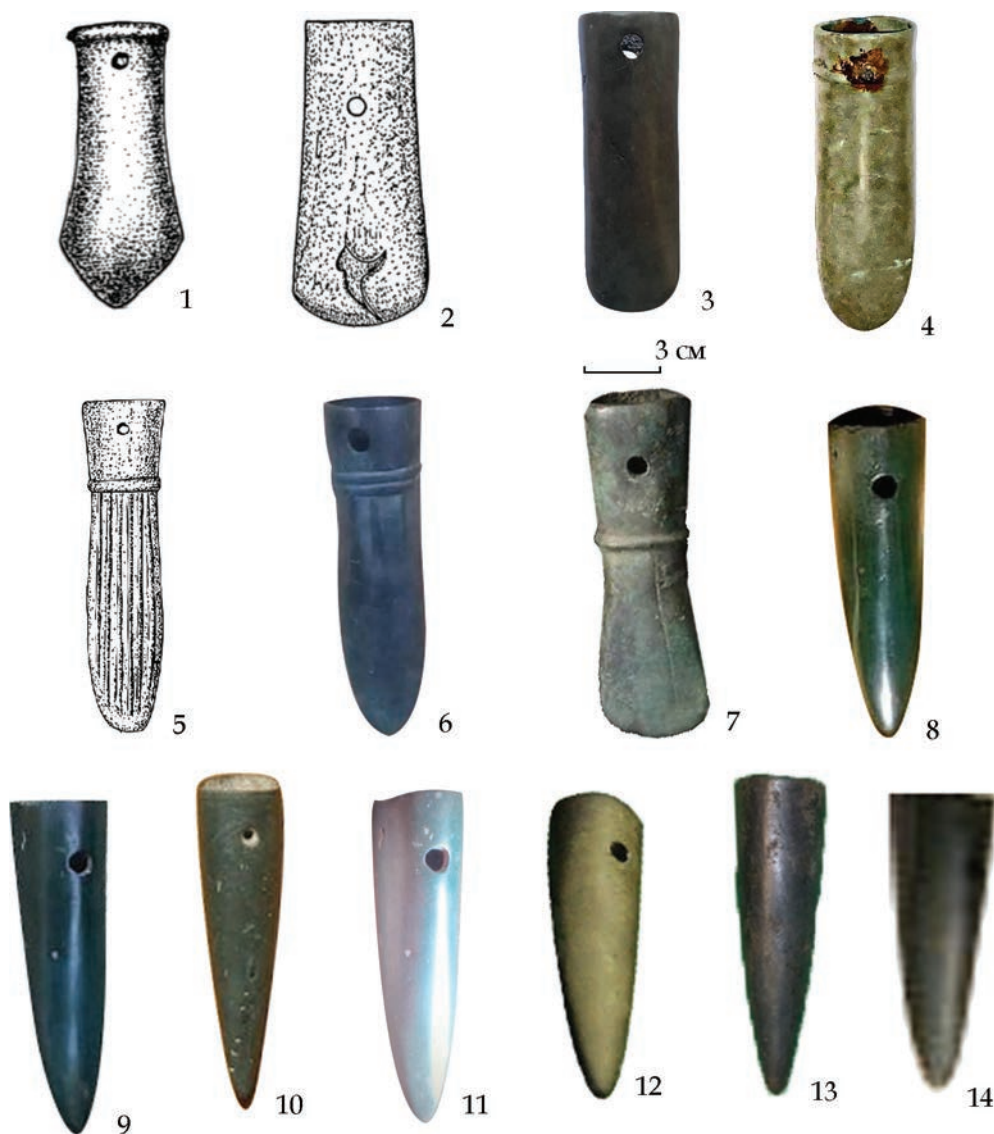

Рис. 8. Втулки биметаллических чеканов:

Fig. 8. Handle tips of bimetall pickaxes:

1 — Уйгарак, могильник, курган № 84, Приаралье, Центральная Азия; 2 — Кичигино I, могильник, курган № 5, могила № 1, Южное Зауралье; 3 — Левобережная Лесостепная Украина, в пойме реки Уды, к югу от окраины Харькова, случайная находка; 4 — Ахтырка, Сумская область, Левобережная Украина, случайная находка; 5 — Имирлер близ Амасьи, Анатолия, Турция, грунтовое погребение; 6 — Винницкая область, Правобережная Лесостепная Украина, случайная находка; 7 — Армавир, случайная находка; 8, 9 — места обнаружения не известны, случайные находки; 10–13 — Украина, места обнаружения не известны, случайные находки; 14 — Черниговская область, Левобережная Лесостепная Украина, случайная находка.

1 — по Вишневская 1973, с. 152, табл. XX: 2; 2 — по Таиров, Боталов 2010, с. 61, рис. 2: 7; 3 — по сведениям от владельца, 4 — по Иванчик 2001, с. 47, рис. 22: 7, 12; 5, 10–14 — по сайт Виолити; 6–9 — по интернет-сводке Марата Цагараты

1 — Uygarak, burial mound N 84, Aral sea, Central Asia; 2 — Kichigino I, burial mound N 5, grave N 1, Chelyabinsk region, South Ural; 3 — Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, in the floodplain of the Udy river, south of outskirts of Kharkiv, come-by-chance; 4 — Akhtyrka, Sumy region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 5 — Imirler near Amasya, Anatolia, Turkey, ground burial necropolis; 6 — Vinnytsa region, Right-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance; 7 — Western Caucasus, come-by-chance; 8, 9 — the places of discovery are unknown, come-by-chances; 10–13 — Ukraine, the places of discovery are unknown, come-by-chances; 14 — Chernihiv region, Left-bank Forest-Steppe of Ukraine, come-by-chance.

1 — after Вишневская 1973, с. 152, табл. XX: 2; 2 — after Таиров, Боталов 2010, с. 61, рис. 2: 7; 3 — information from a owner, 4 — after Иванчик 2001, с. 47, рис. 22: 7, 12; 5, 10–14 — after web-site Violity; 6–9 — after the internet-report of Marat Tsagaraty

И здесь можно вспомнить о двух изделиях, изготовленных из серебра (одно из них дополнительно было украшено золотыми пластинками), предметах, которые традиционно изготавливались из качественной бронзы. Речь идёт о зеркалах из раннескифских погребальных древностей: кургана 4/III Келермесского могильника в Прикубанье и Первого Караванского кургана в Днепровском Лесостепном Левобережье (бассейн Северского Донца, Харьковщина) (Скорый, Окатенко 2021). Погребения элиты в обоих курганах относятся к завершающему этапу или окончанию скифских переднеазиатских походов и содержат восточные импортные предметы. Вряд ли мы ошибёмся, считая эти серебряные зеркала церемониальными изделиями.

В связи со сказанным, стоит обратить внимание на один из чеканов, найденный в Харьковской области. На фоне всех известных экземпляров, совершенно необычно выглядит металл, из которого изготовлена втулка этого чекана (рис. 3: 4; 10). Он серо-белого цвета, что выделяет его из совокупности остальных известных нам чеканов, за исключением экземпляра из Метрополитен Музея. Такой цвет имеет либо бронза с очень большим содержанием олова (оловянистая бронза), либо серебро, даже древнее, если оно найдено на относительно небольшой глубине. Не исключено, что втулка этого харьковского чекана изготовлена из серебра, т. е. по металлу аналогична чекану из Метрополитен Музея.

Рис. 9. Ситуация при обнаружении биметаллического чекана в Винницкой области

Fig. 9. Situation at finding the bimetall pickaxe in the Vinnytsya region

Наша версия основывается на следующих соображениях. Делать втулку ударного оружия ближнего боя из оловянистой бронзы, вряд ли имело смысл. Существовала хороша развитая техническая традиция изготавливать втулки чеканов из бронзы, не отличающейся высоким содержанием олова. Видимо, это объяснялось тем, что медь, будучи доминирующим компонентом в бронзе, придавала ей твердость, необходимую для вооружения. Как известно, медь в 1,5 раза прочнее олова.

Хорошая сохранность втулки, вероятно, серебряной, вполне может объясняться тем, что чекан найден на весьма незначительной глубине. Несколько необычно выглядят и два из трёх валиков в верхней части втулки этого чекана: они украшены орнаментом в виде рубчиков, придающим им некую ажурность (рис. 10). Аналогии этому декору ни на одном из известных нам чеканов не фиксируются.

Если наше предположение верно, данный чекан, найденный на Харьковщине, также относится к церемониальному оружию, как и экземпляр из Метрополитен Музея.

Весьма любопытный чекан был обнаружен в районе Армавира (Прикубанье) (рис. 4: 4). И если форма боевой части, отверстие в

Рис. 10. Деталь чекана из Харьковской области

Fig. 10. Detail of the pickaxe from the Kharkiv region

Рис. 11. Деталь чекана из района Армавира

Fig. 11. Detail of the pickaxe from the district of Armavir

обушке обычны для чеканов II отдела, то втулка имеет своеобразие. Она качественно отлита и тщательно заполирована. Под бойком — горизонтально расположенная головка хищной птицы. Вся поверхность втулки покрыта четкими вертикальными гранями. В верхней части — две горизонтальные бороздки, верхняя из которых совпадает со слегка выделенным гребнем железной / стальной боевой части (рис. 11). Ни один из известных нам ныне чеканов не имеет подобной огранки бронзовой втулки. В этом смысле данный экземпляр из Армавира — определённо оригинальный. Что же касается бронзового втока, найденного в комплекте с этим чеканом, то он напоминает втоки чеканов, обнаруженных в Винницкой области (Правобережная Украина) и Имирлире (Малая Азия, Анатолия), о чём речь пойдёт далее.

Для полноты картины, касающейся всей совокупности данного вида вооружения ближнего боя, нужно, хотя бы вкратце сказать о 5 (9,6 % от общего количества) *сильно фрагментированных чеканах* (наша группа 4, по степени сохранности; рис. 7).

Они не включены в типологическую классификацию даже на уровне отделов (о конкретных типах речь не идёт вовсе), поскольку

ку представлены лишь бронзовыми втулками с минимальными остатками боевой железной / стальной части или совершенно без неё. Втулка из Ананьинского могильника, в Поволжье (погребение № IX-1X-XI) имеет, похоже, 3 валика — 2 узких, расположенных рядом и широкий, значительно выше. Стилизованная головка хищной птицы на втулке обращена клювом вниз (рис. 7: 1). У трёх иных чеканов (второй экземпляр из Ананьино; Гунделен, Северный Кавказ; Станица Пластуновская, Прикубанье), в верхней части втулки, — лишь один валик (рис. 7: 2, 4, 5). При этом только на втулке чекана из Ананьино также расположена литая головка хищной птицы клювом вниз. Ситуация с валиками на втулке чекана из могильника Эргета II (Закавказье) под вопросом (рис. 7: 3).

Тринадцать «клинковидных» чеканов найдены в комплекте *со втоками* (рис. 8: 1—3, 5—14). У 7 из них (т. е. почти половины) втоки имеют пулевидную форму (Украина, места находок не известны — 4 экз; Черниговская область, Левобережная Лесостепная Украина; места находок 2-х экз. — не известны; рис. 8: 8—14). Втоки ещё трёх чеканов также обладают элементами сходства: они как бы состоят из двух частей — верхней, в виде слегка сужающегося, слабо усечённого конуса, и нижней части, отделённой от верхней неким «перехватом» — одним или двумя горизонтальными валиками. У одного втока (чекан из Армавира, Прикубанье) нижняя часть расширяется и округлена с двух сторон (рис. 8: 7). У двух других втоков (Винницкая область, Правобережная Украина; Имирлер, Анатолия, Малая Азия) она примерно одинакова по все длине и округляется внизу. Эти два втока весьма подобны внешне. Отличие их лишь в декоре. Изделие из Имирлера имеет один горизонтальный валик и отходящую от него вниз группу вертикальных валиков (рис. 8: 5). У втока из Винницкой области — 2 горизонтальных валика и плоская поверхность (рис. 8: 6).

Ещё два втока имеют определённое сходство: экземпляры из Кичигино (Южное Зауралье) и Уйгарака (Приаралье, Центральная Азия). У первого из них нижняя часть плавно расширена и слегка округлена (рис. 8: 2), Второй вток также расширяется к низу, но затем сужается под острым углом (рис. 8: 1).

Несомненным подобием обладают и втоки чеканов, найденных на юго-западной окраине Харькова и вблизи Ахтырки в Левобережной Лесостепной Украине. Они имели вид вытянутых, овальных в сечении, цилиндриков, со слегка сплюсненной нижней частью (рис. 8: 3, 4). Стоит отметить, что в определённой степени эти втоки напоминают вток чекана, найденного в Кичигино (Зауралье; рис. 8: 2).

Втоки крепились на деревянную ручку с помощью двух отверстий в верхней части и штифта. Штифты практически во всех известных случаях не сохранились, но, несомненно, они были металлическими — железными или бронзовыми.

ГЛАВА **2** CHAPTER

**ХРОНОЛОГИЯ
ОРУЖИЯ**

**WEAPONS
CHRONOLOGY**

К сожалению, подавляющее большинство известных нам биметаллических чеканов (40 из 52 экз.) являются *случайными находками* или *условия их обнаружения — не известны*. Один чекан найден на *городище*, т. е. вне закрытого комплекса. Лишь 11 экз. выявлены на территории *могильников*, однако, среди них в *закрытых* комплексах было только 6 чеканов, происходящих из 5 захоронений, на что уже указывалось во Введении данной работы.

Весьма важно, что эти опорные комплексы расположены на различных территориях Евразии: на Южном Кавказе, Колхида, Грузия (могильник Эргета II); Прикамье, Восточная Европа (могила «G» Ананьинского могильника); Южном Зауралье (курган № 5 могильника Кичигино I); Приаралье, Центральная Азия (погребение в кургане № 84 могильника Уйгарак); Малой Азии (Центральная Анатолия) (захоронение в Имирлере близ Амасы). На основании дат трёх из упомянутых комплексов, наиболее ярких и значимых (Имирлер, Уйгарак, Ананьино) бытование биметаллических чеканов определяется рядом исследователей в рамках **VIII — VII вв. до н. э.** (Курочкин, Субботин 1993; Подобед 1994; Подобед, Ключнев 1993).

Но так ли это? Обратимся ещё раз к погребальному инвентарю указанных захоронений-маркеров и выясним, на чём основаны представления об их хронологии. Но вначале отметим следующие моменты.

Два чекана из могильной ямы в некрополе Эргета II (Колхида, Южный Кавказ) убедительно датируются **концом VII — началом VI вв. до н. э.** (Папуашвили, Балахванцев 2016, с. 200).

Чекан, происходящий из разрушенного погребения Перкальского могильника кобанской культуры, достаточно определенно отнесён В. И. Козенковой к одному из кенотафов, который вполне аргументировано может датироваться **VII в. до н. э.**, или **концом VII — VI вв. до н. э.** учитывая чётко определённые хронологические позиции самого могильника (Козенкова 2014, с. 101).

Могила № 1 кургана № 5 могильника Кичигино I, по совокупности инвентаря, надёжно датируется **второй половиной VII — первой половиной VI вв. до н. э.** (Таиров, Боталов 2010, с. 55 — 68).

Итак, рассмотрим 3 основных закрытых погребальных комплекса, которые стали основанием для определения хронологии биметаллических чеканов раннего железного века в Евразии.

1) **Имирлер**, к северу от г. Амасья, Анатолия, *Малая Азия*.

Кочевническое погребение обнаружено при грабительских раскопках. В состав погребального инвентаря входят следующие предметы: длинный железный меч с почковидным перекрестьем и брусковидным наконечником (78,8 см), колчаный набор — 28 бронзовых наконечников стрел (для научного изучения доступными стали лишь 7 из них), биметаллический чекан (втулка бронзовая) с рифлёным уплощённым вторком, бронзовые удила со стремявидными окончаниями и золотой браслет, который был продан неизвестному лицу (Ünal 1982, S. 65—81).

По поводу даты этого яркого погребального кочевнического комплекса существуют разные точки зрения.

В. Юнал, публикатор материалов погребения, отнёс указанный набор стрел к **VII — началу VI в. до н. э.** (Ünal 1982, S. 81).

А. Ю. Алексеев датировал данный комплекс, на первых порах, **первой половиной — серединой VII в. до н. э.** (Алексеев 1992, с. 85—86), далее — **серединой VII в. до н. э.** (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, с. 84), наконец — **второй — третьей четвертями VII в. до н. э.**, ориентируясь на позиции С. В. Полина, касаемые хронологии скифских архаических наконечников стрел (Алексеев 2003, с. 149).

И. Н. Медведская отнесла комплекс из Имирлера ко второму этапу по предложенной ею периодизации скифской архаики, что в абсолютных датах соответствует **700—650 гг. до н. э.** (Медведская 1992, с. 95).

Отталкиваясь от хронологических разработок И. Н. Медведской, версию о том, что могила в Имирлере должна датироваться не поздней **первой половиной VII в. до н. э.** поддержали Г. Н. Курочкин и А. В. Субботин (1993, с. 59).

С. Л. Дударев предложил в качестве даты для погребения в Имирлере **середины VII в. до н. э.** (Дударев 1998, с. 89).

А. И. Иванчик полагает, что данный комплекс следует относить к «раннему этапу келермесского периода, видимо, несколько раньше Келермесских курганов Веселовского» (Иванчик 2003, с. 48).

Наконец, С. В. Махортых, основательно проанализировавший комплекс из Имирлера, в первую очередь стрелковый набор, на наш взгляд, вполне справедливо датирует его **концом VII или началом VI вв. до н. э.** (Makhortykh 2022, p. 64).

Действительно, из сохранившихся 7 бронзовых наконечников стрел 5 относятся к двулопастным с лавролистной или остролистной головкой так называемого келермесского типа, дата которых — **конец VII — начало VI вв. до н. э.** Естественно, при датировании комплекса находок методически верно ориентироваться **на самые поздние из них.** Не относится к числу древнейших и железный меч, довольно больших раз-

меров, с почковидным перекрестьем и брусковидным навершием, *уплощенной* в сечении ручкой. Подобное оружие характерно для VII – VI вв. до н. э. (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, с. 84) и ограничивать его дату исключительно рамками VII в. до н. э. было бы неверным.

2) **Село Ананьино** близ Елабуги, Татарстан, *Прикамье*, грунтовый могильник, **погребение «Г»**.

Раскопки П. А. Пономарёва. Мужское погребение, костяк сохранился плохо. Из инвентаря — каменные плитки, в головах, биметаллический клевец с бронзовой втулкой и железным остриём, глиняный сосуд, на краю которого сохранилась железная сильно ржавая пластинка (вероятно, нож). На черепной кости — бронзовая круглая бляха с орнаментом, слева от неё — *серебряная спираль*. Справа — оселок. Возле челюсти — серебряная гривна, справа от неё — железный наконечник копья очень плохой сохранности. В средней части могилы — 2 обломанных кремневых наконечника стрел и бронзовый вток (от клевца). Ниже — большой железный кинжал очень плохой сохранности. В нижней части могилы — 2 каменные плитки, на одной из них — кость быка.

Большое количество железных предметов, наличие гривны и оселка, по справедливому мнению А. В. Збруевой, позволяет считать это погребение синхронным могиле «С» (Збруева 1952, с. 39). Добавим, что эти погребения сближает и наличие совершенно одинаковых серебряных спиралей. Среди предметов вооружения в могиле «С» найдено 7 бронзовых наконечников стрел: 6 втульчатых и один черешковый.

На основании особенностей данных наконечников А. В. Збруева датировала обе могилы временем не раньше **конца VI** или **начала V вв. до н. э.** (Збруева 1952, с. 39). Впоследствии эта дата нашла отражение и в иных работах (Кузьминых 1983 с.142).

Однако позже А. Ю. Алексеев предложил для данного погребения «С» (а, соответственно, и «Г») намного более низкие хронологические рамки, опираясь на «современную дату наконечников», а именно — **VII в. до н. э.**, возможно, даже **начало этого столетия** (Алексеев 2003, с. 52).

Между тем, упомянутый комплекс наконечников стрел совершенно не выглядит слишком архаичным. Из шести втульчатых экземпляров четыре являются двулопастными, три из них — с лавролистной головкой, и в разной степени высокой втулкой, на одной из которых — шип (Збруева 1952, табл. XIX: 6–12). Такие наконечники широко известны, особенно в древностях скифской поры Восточной Европы, в конце VII — первой половине VI вв. до н. э. Еще более поздними выглядят два трёхлопастных наконечника с треугольной головкой и невысокой втулкой (Збруева 1952, табл. XIX: 11, 12). Даже с большой натяжкой их сложно ограничить рамками **VII в. до н. э.**, тем более первой половиной этого столетия.

Таким образом, оснований для столь резкого удревнения данного ананьинского комплекса, по сути, нет. Скорее всего, по времени он близок погребению в Имирлере.

3) **Курган № 84 могильника Уйгарак, Приаралье, Центральная Азия, Казахстан.**

Воинское мужское захоронение, *ограбленное*. От покойника сохранились лишь кости левой ноги. По ним видно, что погребённый лежал вытянуто, на спине, головой на запад — юго-запад.

На дне грабительской воронки найден бронзовый вток, полусферическая бляшка от конской уздечки и керамическое лепное изделие в виде совка без ручки. В изголовье умершего лежала часть непотревоженного погребального инвентаря: биметаллический клевец с бронзовой втулкой (на ней отлита головка хищной птицы) и железным обломанным клинком. Рядом — бронзовый черешковый трехгранный наконечник стрелы. Слева, в изголовье, находилась конская сбруя. От нее остались бронзовые удила со стемячкovidными окончаниями, 4 пронизи для перекрещивающихся ремней. На уровне бедра покойника лежал пучок бронзовых наконечников стрел, обращенных остриями вниз (колчаный набор). Всего в пучке 34 наконечника: 9 черешковых двухлопастных, 18 черешковых трёхлопастных и трёхгранных, 3 втульчатых трёхлопастных, 2 втульчатых двухлопастных и 2 четырехгранных втульчатых. Рядом, в норе грызуна, найден ещё один трёхгранный черешковый наконечник стрелы. Таким образом, колчан включал 36 наконечников (Вишневская 1973, с. 58—59, 152, табл. XX).

О. А. Вишневская датировала погребение в кургане № 84 **ранним VI в. до н. э.**, опираясь в первую очередь на наконечники колчанного набора. К тому же, она полагала, что данный клевец по времени аналогичный ананьинским (Вишневская 1973, с. 123). Позже для данного погребения в Уйгараке были предложены иные даты.

Н. Л. Членова, ориентируясь также, в основном, на набор втульчатых и черешковых наконечников стрел, предложила для уйгаракского кургана **VII—VI вв. до н. э.** (Членова 1981, с. 7), С. В. Кузьминых — **первую половину VI в. до н. э.** (Кузьминых 1983, с. 142).

Однако уже в конце 1980-х гг. Р. Б. Исмагилов, публикуя комплекс Большого Гумаровского кургана из Южного Приуралья, в который входил и представительный колчаный набор с довольно архаическими наконечниками (88 бронзовых экз. и один — железный), включающий 17 черешковых трёхлопастных наконечников, по поводу последних отметил буквально следующее. «Черешковые наконечники — подчеркнул исследователь — встречаются во многих, но отнюдь не во всех азиатских комплексах VIII—VII вв. до н. э.» и привёл в качестве примеров курган Аржан 1 в Туве (середина VIII в. до н. э.) и V-ый Чиликтинский (Золотой) курган в Восточном Казахстане (конец VIII в. до н. э.) (Исмагилов 1988, с. 40). Черешковые наконечники стрел из Большого Гумаровского кургана весьма близки тем, что найдены в могильнике Уйгарак, в том числе — в кургане № 84 (Исмагилов 1988, с. 38, рис. 7: 58—74). Сам же Большой Гумаровский курган, который исследователь вполне правомерно рассматривает, как

относящийся к древнейшей скифской группе памятников, он датировал первой половиной VII в. до н. э. (Исмагилов 1988, с. 46). Таким образом, уже в конце 1980-х гг. наметилась тенденция в сторону удревления Уйгаракского могильника, во всяком случае, речь о VI в. до н. э. для большинства погребений этого некрополя саков уже не шла. Между тем, скорее, по традиции, в некоторых обобщающих работах, примерно по начало 1990-х гг. для кургана № 84 Уйгарака, как, впрочем, и вообще для могильника в целом, по-прежнему, имела место дата **VII – VI вв. до н. э.**; погребения V в. до н. э. в Уйгараке — единичны (Итина 1992, с. 37).

В начале 1990-х гг. идея удревления кургана № 84 Уйгарака получила развитие в работе Г. Н. Курочкина и А. В. Субботина. Ссылаясь на мнение И. Н. Медведской, нашедшее отражение в её работе, вышедшей двумя десятилетиями раньше, и не получившее поддержку у специалистов в области археологии раннего железа, о том, что набор стрел из кургана № 84 (втульчатых и черешковых) характерен для **VIII** и частично **VII вв. до н. э.** (Медведская 1972, с. 84, 89), исследователи поддерживали тезис о ранней дате уйгаракского комплекса (Курочкин, Субботин 1993, с. 59). При этом они указывали на погребение в Имирлере, где найден также биметаллический чекан, но оно, якобы не может датироваться временем позже **первой половины VII в. до н. э.** Как мы знаем, состав артефактов указанного погребения не позволяет датировать данный комплекс столь ранним временем.

Черешковые трёхлопастные наконечники стрел, типа найденных в Уйгараке, Л. Т. Яблонский склонен был считать сугубо местной центральноазиатской формой, дата которых не выходит за пределы VII в. до н. э. (Яблонский 1996, с. 39).

Несколько позже С. Л. Дударев, ссылаясь на уже упоминавшееся мнение И. Н. Медведской о хронологии наконечников стрел, также высказал мнение о том, что курган № 84 в Уйгараке относится к раннему времени, во всяком случае, он древнее захоронения в Имирлере, которое в его представлении — середины VII в. до н. э. (Дударев 1998, с. 89).

Началом VII в. до н. э., традиционно ориентируясь на колчанный набор, датировал могилу в кургане № 84 Уйгарака А. Ю. Алексеев. При этом автор отмечал, что в широком смысле даты «клевецов», т. е. чеканов из евразийского региона, располагаются в пределах VII в. до н. э., однако справедливо указывал, что важна микрохронология комплексов, содержащих данное оружие (Алексеев 2003, с. 51 – 52).

В современной казахстанской археологии хронологические рамки могильника Уйгарак по-прежнему определяют **VII – VI вв. до н. э.** И для этого есть серьёзные основания. В ряде могил здесь найдены импортные сосуды различных типов, которые надёжно датируются указанным временем (Лукпанова 2017, с. 182 – 183).

Что же касается черешковых трёхлопастных наконечников, найденных в кургане № 84 Уйгарака и иных погребениях некрополя, то таковые

вообще свойственны для начала раннесакской эпохи. Они распространены в разных регионах Казахстана в VIII — VII вв. до н. э. (Хабдулина 2017). Однако при определении даты конкретного погребального комплекса нужно обращать внимание и на иные вещи погребального инвентаря, и на сочетание черешковых наконечников со втульчатыми. Нередко дата раннесакских комплексов опирается именно на характер втульчатых наконечников, входящих в колчаньные наборы, наряду с черешковыми, среди которых могут быть и весьма ранние, и более поздние.

В качестве примера можно привести колчаньный набор из кургана № 9 могильника Бақыбулак, где соседствуют бронзовые черешковые и весьма ранние втульчатые наконечники с ромбической или овально-ромбической головкой и длинной втулкой и четырёхлопастные экземпляры с овальной головкой и скрытой втулкой. Дата комплекса — VIII в. до н. э. (Бейсенов 2018, с. 390—391, рис. 1: 1—42). С другой стороны, наличие подобного трёхлопастного черешкового наконечника в погребении кургана № 1 могильника Айыртас 1 в Центральном Казахстане вовсе не явилось определяющим для отнесения погребения к VIII в. до н. э. Основную роль здесь сыграли детали обряда и в целом хронологический контекст могильника, что и позволило отнести курган к VII—VI вв. до н. э. (Бейсенов, Шашенов 2020, с. 274, 278, рис. 2: 2).

Таким образом, в свете всего сказанного, дата кургана № 84 могильника Уйгарак не заходит в VIII в. до н. э. до н. э., ограничиваясь, скорее всего, **первой половиной VII в. до н. э.**, или, возможно, **началом столетия**.

Принципиально то, что курган № 84 Уйгарака (а следовательно и найденный в нём биметаллический чекан) древнее Имирлера и захоронений в Ананыно (где также найдены биметаллические клевцы с головкой хищной птицы под бойком), вероятно, весьма близких по времени.

Иложенное выше убедительно свидетельствует: датировать такие чеканы **VIII—VII вв. до н. э.** оснований нет.

К сожалению, как уже отмечалось ранее, все биметаллические чеканы, происходящие из погребений, т. е. закрытых комплексов сильно коррозированы, более того — в разной степени фрагментированы, что не позволяет большинство из них объективно соотнести с выделенным тем или иным *конкретным типом* приведённой выше классификации. Исключение составляет чекан из могилы «С» Ананынского могильника. Он относится к типу 2 отдела I, т. е. чеканам с кирковидным бойком, *широким* плоским, молоточковидным обушком, ширина которого превышает ширину бойка. Напомним, что дата указанного погребального комплекса **конец VII — начало VI вв. до н. э.** С несомненной достоверностью остальные документированные чеканы относятся к отделу II, т. е. чеканам с клинковидным *широким* бойком и *широким*, но более коротким обушком, дата которых **VII — начало VI вв. до н. э.**

Скорее всего, обе группы этого оружия сосуществовали в одном хронологическом диапазоне.

ГЛАВА

3

CHAPTER

ВОПРОСЫ
ГЕНЕЗИСА

QUESTIONS
OF GENESIS

Изложенное выше позволяет, на наш взгляд, сделать два немаловажных вывода, которые могут быть основой для последующих соображений.

Во-первых, внимательное рассмотрение в первую очередь погребальных, закрытых, комплексов, в которых встречены биметаллические чеканы, убедительно свидетельствует: о появлении этого оружия в **VIII в. до н. э.** говорить не приходится. Нижний хронологический рубеж не выходит за рамки **VII в. до н. э.** Следовательно, и известную ранее находку биметаллического чекана из Орехово, в Украине, относить к VIII — VII вв. до н. э. нет должных оснований.

Во-вторых, наиболее ранние биметаллические чеканы (либо ещё до начала переднеазиатских скифских походов, или в его начальной фазе), судя по кургану № 84 Уйгарака, зафиксированы в Приаралье, на западе **Центральной Азии**. Остальные экземпляры, найденные в иных погребальных комплексах — Имирлере (Малая Азия), Кичигино I (Южное Зауралье), Ананьино (Поволжье, Прикамье), Эргете II (Закавказье, Колхида), по времени *вторичны* по отношению к центральноазиатскому чекану.

И здесь вполне уместно вспомнить мнение М. В. Горелика о том, что родиной «классического евразийского чекана является Центральная Азия». По мнению исследователя, формирование данного оружия произошло, вероятно, в Южной Сибири или Ордосе **VII в. до н. э.**, откуда чеканы очень быстро распространились по всему ареалу культур скифского типа (Горелик 1993, с. 55).

В определённой степени сходные соображения, хотя и несколько отличные в деталях, были высказаны в это же время Г. Н. Курочкиным и А. В. Субботиным. Исследователи полагали, что древнейший (первичный) очаг формирования биметаллических чеканов с головкой хищной птицы под бойком расположен в Центральной Азии, в первую очередь, в Хакасии и Туве, возможно, также, в плохо изученных, прилегающих к Туве районах Монголии. Прототипами для них послужили тагарские литые чеканы с головкой птицы под бойком.

По мнению авторов, район ананьинской культуры, для которой также характерно широкое использование чеканов с головкой хищной птицы под бойком, являлся вторичным очагом их распространения. Остальные известные ныне биметаллические чеканы данного типа как бы «*рассеяны в пространстве между тагарским и ананьинским очагами*» (Курочкин, Субботин 1993, с. 61). Стоит также подчеркнуть, что Г. Н. Курочкин и А. В. Субботин рассматривали Западную Сибирь, Казахстан, Южное Приуралье, Кавказ и Переднюю Азию в качестве территорий, для которых биметаллические чеканы являются не характерными, «транзитными» элементами культуры (Курочкин, Субботин 1993, с. 61).

По мнению С.Л. Дударева, биметаллические чеканы происходят от более архаичных бронзовых чеканов с головой хищной птицы под бойком из Западной Сибири. Их проникновение в Малую Азию исследователь связывает с сакским этническим элементом (Дударев 1998, с. 89)⁷.

Схожей версии придерживается и А. И. Иванчик. Он полагает, что биметаллические клевцы являются дериватами бронзовых тагарских чеканов (Иванчик 2001, с. 49). Однако автор связывает их не со скифами или саками, а с историческими киммерийцами, обращая внимание на то, что места находок чеканов в Малой Азии соответствуют задокументированным древними источниками локациям, связанным с этим этнонимом.

Как один из маркеров древнейшего пласта кочевнической культуры раннего железного века определяет чеканы А. Ю. Алексеев. Он связывает происхождение этого вида оружия с азиатским регионом, а его появление в Восточной Европе — с миграциями киммерийцев и скифов (Алексеев 2003, с. 51).

Однако, выводя генезис биметаллических чеканов из Центральной Азии и, более точно, связывая их с тагарской культурой, нужно учесть более позднее мнение Н. Л. Членовой о том, что сибирские бронзовые чеканы и биметаллические чеканы с птичьей головкой под бойком — это *две разные ветви чеканов*. Отличие их не только в материале, а, прежде всего, в том, что у биметаллических чеканов боёк и обушок — плоские, а у бронзовых — круглые или многогранные (Членова 1997, с. 15).

⁷ В недавно опубликованной статье С. Л. Дударев укорял нас в том, что мы, дескать, не сослались на его мнение касательно роли саков в распространении биметаллических чеканов (Дударев 2024, с. 195). Но это — не более чем недоразумение. В нашей статье, опубликованной в 2023 г. в разных изданиях на русском, украинском и английском языках, данная ссылка присутствует, что легко проверить, например, по варианту на русском языке: Скорый, Зимовец 2023, с. 52. Просто коллега не был знаком с этой работой.

Относительно недавно А. С. Балахванцевым было высказано мнение о том, что центром возникновения и производства данного оружия был регион между Камой и Уралом: «ведь именно отсюда происходит большинство клевцов (Ананьино, Бугуруслан, Оренбург, Боровая (?), Уйгарак), места находок которых нам известны» (Балахванцев 2014, с. 24). Отсюда они могли попасть в Сибирь, где послужили прототипами для изготовления бронзовых литых чеканов с птичьими головками (Балахванцев 2014, с. 24). По мнению исследователя, самый ранний бронзовый «клевец» с птичьей головкой под бойком происходит из погребения № 20 кургана Аржан 2, датированного, как и основное захоронение, второй половиной VII в. до н. э. На этом основании делается вывод о том, что он не может выступать прототипом для биметаллических чеканов более западных регионов, поскольку некоторые из последних датируются более ранним временем. Таким образом, высказывается достаточно смелое предположение, в соответствии с которым не бронзовые чеканы могли послужить прототипом биметаллических, а наоборот первые появляются под влиянием вторых.

Эта предположение нуждается в более подробном критическом анализе, отталкиваясь от которого, мы выскажем свою версию по вопросу генезиса биметаллических чеканов.

Во-первых, упомянутые чеканы, найденные между Камой и Уралом, отнюдь не принадлежат к числу ранних экземпляров этого вида оружия. Курган же в Уйгарак, наиболее ранний из названных памятников, расположен в Приаралье, а вовсе не в регионе между Камой и Уралом.

Во-вторых, на наш взгляд, жестко разделять бронзовые и, особенно, биметаллические чеканы с головкой хищной птицы и без таковой — методологически некорректно. Из всех известных нам биметаллических чеканов подавляющее большинство имеет птичьей головки. Следует отметить, что эта наиболее тонкая деталь биметаллических чеканов в наибольшей степени подвержена повреждениям: обломам, окислениям со стороны бойковой части. Также она являлась наиболее сложной деталью для отливки. Поэтому не исключено, что на части чеканов (в частности, из станицы Пластунской, Гунделена, Эргета II) головки птиц утрачены, в силу различных причин. То есть с высокой долей вероятности можно утверждать, что биметаллические чеканы без птичьей головки под бойком являются, скорее, *исключением* из общего правила: у подавляющего большинства экземпляров скульптурная головка птицы присутствует.

Что же касается бронзовых чеканов, то, как будет продемонстрировано ниже, в Центральной Азии они известны уже в эпоху бронзы. А в раннескифское время у них появляется такая особенность, как

головка хищной птицы под бойком, что, очевидно, связано с распространением скифского звериного стиля. Иными словами, здесь имеет место непрерывная, плавная эволюция бронзовых чеканов, на определенном этапе которой к ним добавляется элемент звериного стиля. Поэтому вопрос о генезисе биметаллических чеканов, на наш взгляд, тесно связан с вопросом возникновения скифского звериного стиля.

Безусловно, чеканы были одной из тех категорий скифского архаического материального комплекса, в рамках которого образ головы хищной птицы формировался и благодаря которому, в том числе, он вошел в иерархию образов скифского звериного стиля. Равно как и орнитоморфные распределители ременной узды. О подобии птичьих головок на чеканах и ременных распределителях одним из авторов настоящей работы уже было сделано соответствующее наблюдение (Зимовец 2024, с. 92–97). Образ обособленной птичьей головки, видимо, уже в готовом виде попадает на территорию Восточной Европы. И одним из предметов материального комплекса, благодаря которому происходит это проникновение, являются чеканы. Однако где и когда зарождается сам этот образ?

Невозможно согласиться с мнением А. С. Балахванцева о том, что бронзовый чекан с птичьей головкой из погребения № 20 кургана Аржан 2 является наиболее ранним. Действительно, курган Аржан 2 является точным хроноидикатором, в отличие от подавляющего большинства памятников тагарской культуры, датировка которых является предметом оживленной дискуссии вот уже не одно десятилетие. Однако наличие в этих памятниках очень представительного набора бронзовых чеканов с головкой хищной птицы под бойком заставляет более пристально разобраться в версии тагарского происхождения этого вида оружия, особенно в контексте последних исследований хронологии раннетагарских памятников.

В кургане Аржан 2 было обнаружено 2 бронзовых втульчатых чекана, один с головкой птицы под бойком, второй — без таковой (могилы № 20 и 25). Кроме того, в царской могиле № 5 находился железный с золотыми накладками проушный чекан. Однако не стоит забывать, что бронзовый втульчатый чекан был обнаружен и в кургане Аржан 1 (Грязнов 1980, рис. 11: 6), который, в настоящее время датируется концом IX — рубежом IX–VIII вв. до н. э. (Чугунов 2005, с. 103–104). На этом чекане отсутствует птичья головка под бойком, однако в самом кургане присутствовали предметы, оформленные в раннескифском зверином стиле, что позволило выделить его наиболее ранний хронологический горизонт — «аржано-майэмирский» (Шер 1980, с. 243–249), а в рамках последнего — собственно «аржан-

ский» (Савинов 1998, с. 132). *То есть раннескифский звериный стиль и бронзовые чеканы сосуществуют на Алтае, по крайней мере, с начала VIII в. до н. э. И именно в этот период, видимо, и происходит их конвергенция.*

Это предположение в полной мере подтверждается находкой бронзового чекана с головкой хищной птицы под бойком из могилы № 3, кургана № 4 могильника алды-бельской культуры Усть-Хадыньных, расположенного на берегу речки Усту-Ишкин. Автор раскопок синхронизируют памятник с курганом Аржан 1, датируя, правда, в традициях 1980-х годов, не VIII, а VII в. до н. э. (Виноградов 1980, с. 64). В качестве ближайшей аналогии чекану из этого кургана также приводится чекан из Аржана 1.

Западную ойкумену распространения бронзовых чеканов с головкой хищной птицы в VIII—VII вв. до н. э. (за исключением уникального бронзового чекана из Харьковской области, о котором речь пойдет ниже) маркирует предмет из кургана № 2 могильника Акчий III, в долине р. Иртыш, в Восточном Казахстане. Данный курган датируется VII в. до н. э. (Трифонов, Боковенко, 1998, с. 150)

Изложенные выше факты, а также новые достижения в датировках курганов Аржан 1 и Аржан 2 позволяют несколько по-новому посмотреть и на тагарские бронзовые чеканы с головкой хищной птицы.

С конца прошлого века наметилась обоснованная тенденция удревнения тагарской культуры, связанная, в первую очередь, с разительными параллелями между материальным комплексом кургана Аржан 1 и раннетагарскими памятниками (Грязнов 1983, с. 3, 10; Боковенко 1986, с. 18; Курочкин 1989, с. 63). В то же время Н. Л. Членова датировала курган Аржан 1 более поздним временем (VII в. до н. э.) именно на основании сопоставления материального комплекса кургана с памятниками тагарской культуры, которую она традиционно относила к VII—III вв. до н. э. (Членова 1997). Решение хронологического вопроса стало возможно благодаря естественно-научным методам, а именно — радиоуглеродным датировкам, которые и позволили отнести Аржан 1 к рубежу IX / VIII вв. до н. э., а Аржан 2 — к середине VII в. до н. э. (Чугунов 2005, с. 103—104).

Определение радиоуглеродных дат Аржана 1 и Аржана 2 позволили К. В. Чугунову предложить схему синхронизации тагарских древностей с этими опорными памятниками. В соответствии с ней, раннетагарские (подгорновские) комплексы оказываются синхронными кургану Аржан 1 (VIII в. до н. э.). Удревняются и сарагашенские комплексы, наиболее ранние из которых также могут быть отнесены к раннескифскому времени (Чугунов 2005, с. 102—104).

В этой связи, принципиальное значение имеют находки бронзовых чеканов с головкой хищной птицы под бойком в раннетагарских комплексах. В первую очередь, это чекан с эпонимного памятника раннетагарской культуры — могильника у Подгорного озера (ныне затопленного водами Красноярского водохранилища). Всего в могильнике, материалы которого до сих пор полностью не опубликованы, было обнаружено 6 чеканов. Один из них точно содержал изображение птичьей головки под бойком (курган № 3 (5?) могила № 21). Схожие чеканы были обнаружены и в курганах № 32 и 33 эпонимного могильника у Тагарского озера (Кузьмин 2022, с. 304, с. 300, рис. 17, 18), а также в кургане № 16, могила № 2 у Тисульска и в кургане № 4, могила № 2 Утинки, VII в. до н. э. (Марсадолов 2015, с. 46, рис. 1.4: 47, 48).

Н. Ю. Кузьмин связывает появление зооморфных изображений в конце раннего этапа тагарской культуры с внешним этническим импульсом («биджинские переселенцы») (Кузьмин 2022, с. 307 — 308), подтверждая известный тезис о том, что указанная культура была реципиентом звериного стиля, а не ее создателем. На примере бронзовых чеканов с головкой хищной птицы это выглядит весьма вероятным. Ведь их распространение отнюдь не ограничивается бассейном Енисея, а охватывает Алтай, Восточный Казахстан, Синцзян. Вполне возможно, что именно с этих, более южных регионов, тагарская культура получает импульс, который приносит сюда как звериный стиль, так и бронзовые чеканы.

В этой связи особый интерес представляет уникальное изображение свернувшегося хищника на серебряном колпачке втулки чекана из музея Метрополитен. Несмотря на то, что изображение хорошо вписывается в известную серию «компактно свернувшихся» хищников, характерную для эпохи скифской архаики, оно имеет ряд оригинальных черт, наиболее существенной из которых является орнаментация тела хищника — в виде штриховки сеточкой. Подобный прием является характерным для китайской изобразительной традиции, при передаче чешуи змеи или дракона на нефритовых кольцевидных зооморфных украшениях.

По мнению Е. С. Богданова, это свидетельствует о том, что данное изделие могло быть обнаружено «в Китае или близлежащих районах». В пользу указанной версии свидетельствует также и материал втулки: использование серебра является особенно характерным для этой части Евразии. (Богданов 2006, с. 89). Автор датирует чекан VI—V вв. до н. э., с чем сложно согласиться в контексте датировок всей совокупности данного вида вооружения. Против такой поздней датировки свидетельствует и изображение компактно свернувшегося хищника. В то же время, случайный характер находки чека-

на не позволяет судить о его конкретной дате в пределах скифской архаики.

Впрочем, в контексте нашего исследования принципиально зафиксировать два факта. Во-первых, бронзовые чеканы получают распространение на территории Алтая, Южной Сибири, Синьцзяна и связаны с раннескифским материальным комплексом, к которому относятся и наиболее ранние, не известные на западе изображения в скифском зверином стиле, получившие определение «аржанские». Во-вторых, бронзовые чеканы с головкой хищной птицы появляются здесь в VIII в. до н. э. То есть они являются более ранними, нежели биметаллические чеканы. На аржанский компонент, как один из ключевых источников сложения раннетагарского звериного стиля, указывает в недавней работе и Д. Г. Савинов (Савинов 2022).

Еще один аргумент в пользу центральноазиатского (алтайского, южносибирского, западно-монгольского, западно-китайского) происхождения бронзовых чеканов с головкой хищной птицы дает их генетическая связь с более ранними тагарскими чеканами и карасукскими бронзами.

Для ранних тагарских чеканов характерно размещение под бойком небольшой «палочки», располагаемой примерно под углом 45° вниз (Членова 1967, с. 27–28). Таковы чеканы из кургана № 20 могильника Ашпыл, кургана № 8 могильника Знаменка, кургана № 5 могильника Малое Лебяжье XIV, а также два чекана из курганов № 20 и 28 у Подгорного озера (Членова 1967, рис. 17: 8; 21: 1; 23: 7; 26: 7; 27: 6). По современным датировкам, эти памятники относятся к VIII в. до н. э. (ранние курганы Ашпыла — ко второй половине VIII — первой четверти VII в. до н. э.) (Марсадолов 2015, с. 43–45). Видимо, такой элемент бронзовых чеканов, как «палочка» предшествовал появлению под бойком головки хищной птицы. После начала оформления предметов вооружения в раннескифском (аржанском) зверином стиле (VIII в. до н. э.) этот элемент продолжает использоваться вплоть до полного вытеснения головкой хищной птицы в VII в. до н. э. Особенно интересным, в этом отношении, является бронзовый чекан из кургана № 14 могильника Сазнсаи, недалеко от г. Урумчи, в Синьцзяне (Шульга П. И., Шульга Д. П. 2015, с. 515–516, ил. 2: 5). На его втулке присутствует как птичья головка, так и характерная раннетагарская «палочка», а на обушке размещена фигура хищника. Захоронения могильника Сазнсаи датируются второй половиной VIII — VII в. до н. э. (Шульга П. И., Шульга Д. П. 2015, с. 529) и хорошо маркирует связь раннескифского звериного стиля с регионом Синьцзяна.

Вопрос влияния карасукской культуры на тагарскую далек от окончательного разрешения. Тем не менее, большинство исследо-

вателей признает, что карасукская культура являлась одним из компонентов сложения тагарской изобразительной традиции (Савинов 1998; 2022, с. 213–214). При этом, именно в карасукской традиции фиксируется мотив обособленной птичьей головки, получивший такое широкое распространение в скифском зверином стиле в целом и на чеканах — в частности. Головки хищных птиц украшают верхушки рукоятей на двух очень схожих карасукских (ордосских) бронзовых кинжалах из Байфу, в районе Великой Китайской стены (Matsumoto 2021, 299, fig. 8: 12) и из Sawyer Collection (Loehr 1949, с. 34, № 9, 36), датирующихся по особенностям морфологии XI–X вв. до н. э. То есть этот мотив, как украшение оружия, известен в восточной части Центральной Азии еще с позднего бронзового века. Стилизованные птичьи головки или клювы (правда, не под бойком, а со стороны обушка) зафиксированы и на карасукских чеканах (Членова 1967, с. 28). Кроме того, на ряде чеканов карасукого времени отмечается размещение петельки между бойком и втулкой — признака, который доживает до раннетагарского времени (Членова 1967, с. 28). Вполне возможно, что именно такие детали как «петелька» или «палочка» под бойком в раннескифское время трансформируются в головку хищной птицы (учитывая визуальное сходство этих элементов с птичьей головкой или клювом).

Все приведенные выше аргументы делают несостоятельным тезис о производном характере центральноазиатских бронзовых чеканов от количественно и хронологически ограниченной серии биметаллических чеканов. Как было продемонстрировано выше, бронзовые втульчатые чеканы бытуют в Южной Сибири еще с карасукского времени. В VIII в. до н. э. алтайские и тагарские чеканы уже украшаются головкой хищной птицы под бойком, являющейся одним из самых изначальных, как их определил Д. Г. Савинов «нуклеарных» образов раннескифского искусства (чеканы из Усть-Хадынских и Подгорного озера). Но интересно и то, что бронзовые чеканы с головкой хищной птицы продолжают бытовать в восточной части Центральной Азии и в более позднее время (VI–V вв. до н. э.), тогда как биметаллические чеканы более западных регионов существуют на протяжении очень ограниченного периода, исчезая из употребления к середине VI в. до н. э. Таким образом, в восточной части Центральной Азии мы можем наблюдать преемственность бронзовых чеканов с головкой хищной птицы на протяжении, по меньшей мере, четырех веков, в то время как биметаллические чеканы на Западе — это относительно кратковременный всплеск, связанный, скорее всего, с миграцией какой-то части центрально-азиатского населения во второй половине VII — начале VI в. до н. э.

Однако, против гипотезы о генезисе биметаллических чеканов из бронзовых тагарской и алды-бельской культур остаётся аргумент

Н. Л. Членовой относительно того, что у биметаллических чеканов боёк и обушок — плоские, в то время как у бронзовых они круглые или многогранные (Членова 1997, с. 15). В целом, соглашаясь с количественным преобладанием бронзовых чеканов с круглыми и многогранными бойками и обушками в тагарской и алды-бельской культурах, нужно сделать два уточнения. Во-первых, как было показано выше, не все биметаллические чеканы имеют плоскую форму бойков и обушков. Кирковидные чеканы также составляют весьма представительную серию. Во-вторых, среди бронзовых чеканов, известных на востоке, также есть чеканы с плоским бойком и обушком, в том числе введенные в научный оборот самой Н. Л. Членовой. Таковы бронзовые чеканы с птичьей головкой под бойком из Элекмонара, Горный Алтай; р. Большой Пит, бассейн Енисея; два чекана из района Канска, Красноярский край (Членова 2002, рис. 7 — 10).

Одним словом, на Алтае и в Южной Сибири присутствовали и эти формы, хотя количественно преобладали другие — с круглыми бойком и обушком. Таким образом, указанный выше контраргумент относительно формы — снимается. Алтай и Южная Сибирь также могли быть местом зарождения чеканов с плоскими бойком и обушком. Однако и в этом случае остается еще один ключевой вопрос: где же произошла «биметаллизация» этой формы? Или по-иному: где была осуществлена *технологическая инновация*, благодаря которой бронзовый обух и лезвие были заменены на железную пластину?

Наиболее ранний и один из самых восточных экземпляров биметаллических чеканов засвидетельствован, по данным археологии, в Приаралье, у саков, в могильнике Уйгарак (начало — первая половина VII в. до н. э.). Это позволило нам ранее связать появление биметаллических чеканов с данным регионом, не исключая и более восточные территории Евразии (Скорый, Зимовец 2023, с. 53). Определенные основания для последнего дает «китайская» стилистика свернувшегося хищника на чекане из музея Метрополитен. Хотя случайный характер находки и отсутствие точных датировок не позволяет делать какие-либо выводы.

В связи с появлением нового материала и дополнительным анализом, мы вынуждены несколько скорректировать предыдущую версию. В частности, нельзя исключать, что данный процесс происходил сразу на нескольких территориях, в процессе продвижения определенных раннескифских контингентов на Запад — на Кавказ, в Северное Причерноморье и Малую Азию. В пользу этой корректировки свидетельствуют следующие материалы.

Во-первых, из Перкальского могильника на Северном Кавказе происходит единственный европейский биметаллический экземп-

Рис. 12. Деталь биметаллического чекана, найденного в пойме реки Уды, к югу от окраины Харькова

Fig. 12. Detail of the pickaxe found in the floodplain of the Udy river, south of outskirts of Kharkiv

ляр чекана с «палочкой» под бойком. И тут сложно не усматривать влияние тагарской культуры, где эта черта преобладает. Отличие состоит в том, что все тагарские чеканы — бронзовые. Очевидно, мы сталкиваемся здесь с одним из первых технологических экспериментов, когда тагарский по форме чекан был изготовлен уже как биметаллический. Видимо, мастер, занимавшийся изготовлением этого изделия, был знаком как с формой тагарских чеканов, так и с новой техникой изготовления, вероятно, не известной в то время восточнее Приаралья. Концентрация биметаллических чеканов на Кавказе может свидетельствовать о том, что «биметаллизация» могла быть осуществлена в этом регионе, имеющем богатые металлургические традиции.

Во-вторых, относительно недавно нами были опубликованы два чекана — бронзовый и биметаллический, обнаруженные в пойме реки Уды, в Харьковской области (по сути, в южном предместье города) (Окатенко, Зимовец, Скорый 2023). Бронзовый чекан состоит из цилиндрической втулки и сложно-фигурной в сечении боевой части, включающей в себя боек и обух. Боевая часть, в целом, имеет форму клинка, однако на массивной пластине бойка и обуха, с обеих сторон, расположены по два продольных, довольно широких, каннелюра, образующих на боевой части три ребра: центральное, верхнее,

Рис. 13. Бронзовый чекан, найденный в пойме реки Уды, к югу от окраины Харькова

Fig. 13. Bronze pickaxe found in the floodplain of the Udy river, south of outskirts of Kharkiv

нижнее. Под бойком — изображение головки хищной птицы (рис. 13; Окатенко, Зимовец, Скорый 2023, с. 6—7, 9—10, рис. 2, 3). Ближайшими аналогиями харьковскому бронзовому экземпляру можно считать уже упомянутые чеканы из долины реки Большой Пит, Элекмонара, Канского округа Красноярского края (рис. 14: 1—3). Однако, в отличие от восточных чеканов, рельеф боковой части харьковского экземпляра является, скорее, декоративной, нежели конструктивной особенностью. Обращает на себя внимание и шляпка на втулке — деталь, характерная уже для биметаллических чеканов. По характеру сочетания втулки и боевой части даже создается впечатление, что харьковский чекан — не цельнолитой, а состоящий из двух частей: боевая часть была вставлена во втулку и закрыта плоской шляпкой. Характерная особенность чекана — узоры в форме «птичьей лапы», расположенные на обухе. Именно такие метки имеются на ряде архаических двулопастных наконечников стрел, из Богазкёя (вторая четверть — середина VII в. до н. э.); разрушенного погребения между Ташовой и Лядиком в Анатолии; Большого Гумаровского кургана (первая половина VII в. до н. э.) и кургана № 2, погребение № 38 могильника Новая Белогорка в Южном Приуралье, (Иванчик 2001, с. 55, рис. 24). Характерно, что стрелы с подобными метками обнаружены на тех же территориях, с которых происходят и чеканы, правда биметаллические, а не цельнобронзовые, что позволяет связать две этих категории изделий.

Харьковский бронзовый чекан мог быть прямым азиатским импортом на территорию Скифии, попавшим сюда, скорее всего, не-

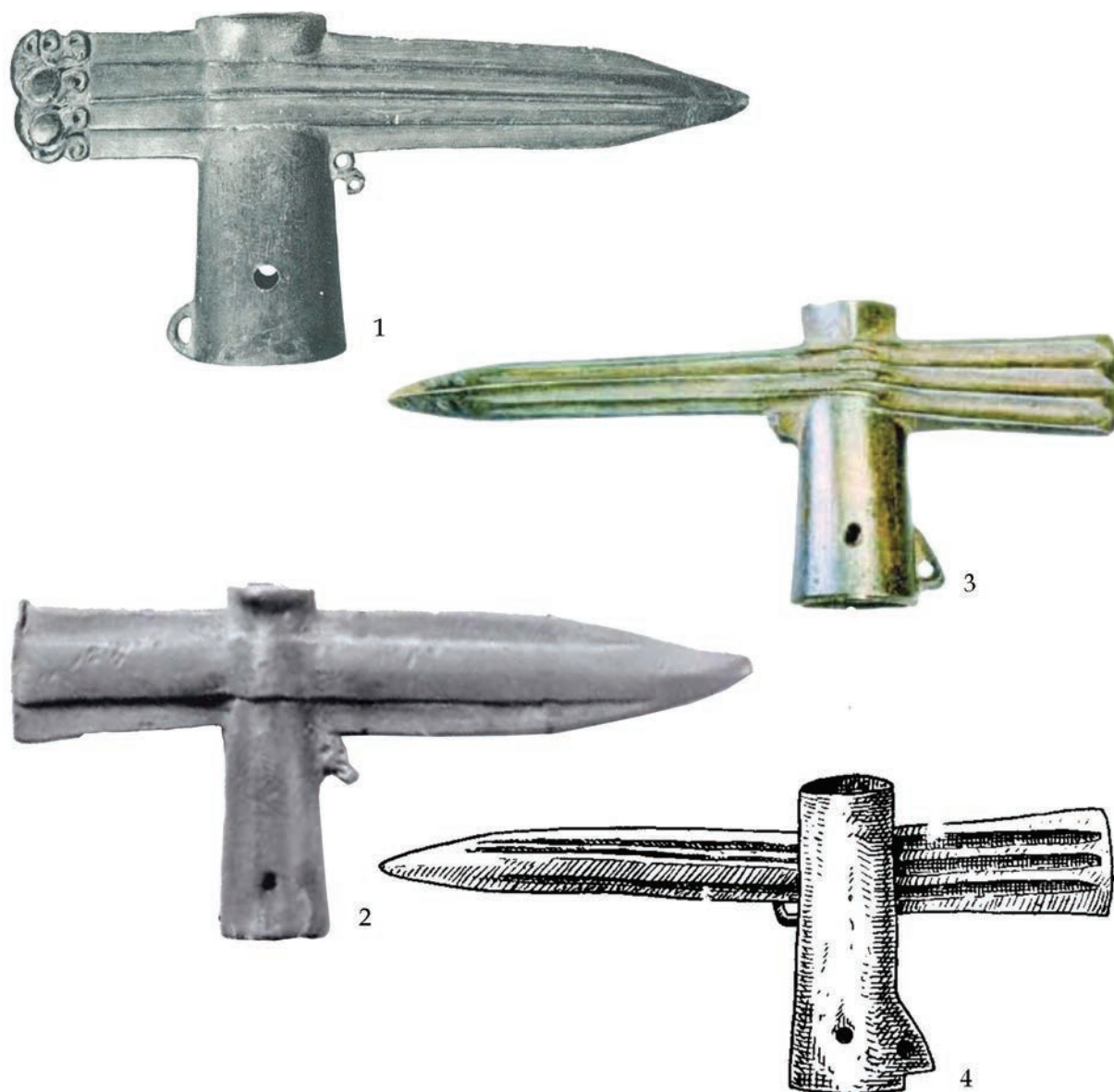

Рис. 14. Аналогии бронзовому чекану из евразийского ареала: 1 — Верховья реки Большой Пит, бассейн Енисея, коллекция И. А. Лопатина; 2 — Элекмонар на р. Катунь, Горный Алтай, коллекция Н. С. Гуляева; 3 — около деревни Пермяково, Канский округ, Южная Сибирь, коллекция И. А. Лопатина; 4 — Ананьинский могильник, Волго-Камский регион. 1 — по Завитухина 1983, с. 156, № 185; 2 — по Бородовский, Тишкин 2014, рис. 8: 7; 3 — по Бородовский, Тишкин 2014, рис. 9: 1; 4 — по Збруева 1952, табл. XXII: 10

Fig. 14. Analogues of the bronze pickaxe from the Eurasian region: 1 — Riverheads of the Great Pit River, Yenisei basin, collection of I. A. Lopatin; 2 — Elekmonar on the Katun river, Mountain Altai, collection of N. S. Gulyaev; 3 — near the village of Permyakovo, Kanskii district, South Siberia, collection of I. A. Lopatin; 4 — Ananijnskii burial ground, Volga-Kama area. 1 — after Завитухина 1983, с. 156, № 185; 2 — after Бородовский, Тишкин 2014, рис. 8: 7; 3 — after Бородовский, Тишкин 2014, рис. 9: 1; 4 — after Збруева 1952, табл. XXII: 10

посредственно с носителем культуры (раннетагарской, алды-бельской?). Нужно отметить, что на территории Восточной Европы, в том числе — украинской Лесостепи известны, хотя и немногочисленные, но весьма выразительные артефакты восточного, сибирского происхождения, несомненно, указывающие на проникновение, хотя и эпизодическое, далеко на запад носителей сибирских культур (Окатынко, Зимовец, Скорый 2023, с. 11–12). Но также вполне вероятно, что чекан является раннескифским (киммерийским?) изделием, выполненным в тех же технологических традициях, что и биметаллические чеканы. Однако, в этом случае, скорее всего, мастер был знаком и с восточными цельнобронзовыми чеканами.

Несомненно, особое место в кругу всех известных нам на сегодня чеканов отдела II, да и в целом всей совокупности этого оружия, занимает второй, уже биметаллический экземпляр, обнаруженный в Харьковской области (рис. 5: 4; 12; Окатынко, Зимовец, Скорый 2023, с. 7–8, 13–14, рис. 4–5). Главное его отличие от иных биметаллических чеканов, известных в Евразии, — наличие выполненного из бронзы *обушка*, отлитого вместе со втулкой в одной форме. Как известно, у всех остальных биметаллических чеканов бронзовой является лишь втулка (достоверное исключение — втулка из серебра у чекана из Метрополитен Музея), а вся боевая часть изготавливалась из железа / стали и закреплялась в ходе отливки во втулке. Вместе с тем, у харьковского чекана, также как и у остальных биметаллических чеканов, железный / стальной боёк закреплён во втулке, в процессе отливки.

Боёк харьковского чекана по общей форме вполне совпадает с бойками у остальных «клинковидных» чеканов. Находит он подобие и по внешнему оформлению поверхности — наличию в центральной части бойка трёх продольных, хорошо выраженных валиков (рис. 5: 4; 12). Они зафиксированы у чеканов немногочисленного типа 3 отдела II (рис. 5: 1, 2). Это обстоятельство весьма сближает бойки указанных чеканов с лезвиями ряда акинаков скифской поры, на что уже обращалось внимание.

Втулка харьковского биметаллического чекана имеет довольно чётко выраженную вертикальную огранку. Это сближает её с рядом биметаллических чеканов, имеющих огранку втулки, в том числе — с описанным выше чеканом из Армавира. Примечательно и наличие в верхней части втулки рассматриваемого артефакта двух валиков, что находит аналогии у целого ряда биметаллических чеканов. На самом же обушке, вблизи втулки, — круглое отверстие, подобное тем (овальной или круглой формы) (рис. 5: 4; 12), что хорошо известны у ряда биметаллических чеканов раннескифской поры.

Харьковский биметаллический чекан интересен, в первую очередь, тем, что он сохраняет одну из черт, свойственных бронзовым цельнолитым чеканам Евразии в виде бронзового обушка. Однако, наряду с признаками, также свойственными ещё бронзовым литым чеканам, в нём уже присутствуют элементы, вполне характерные для биметаллических чеканов раннескифской поры. Мы имеем в виду сам приём закрепления боевой железной / стальной части в бронзовой втулке в процессе литья, но — что ещё более показательно — следы огранки на бронзовой втулке и орнамент в её верхней части в виде двух горизонтальных валиков.

Единственная аналогия с точки зрения сочетания материала втулки, обуха и бойка происходит из кургана № 1 могильника Сыргаль III Монгольского Алтая. Здесь также бронзовая втулка отлита вместе с обухом, а железный боек вставлен во втулку (Эрдэнэ-Очир, Батсух 2001, с. 68, рис. 4). Однако на этом общие черты заканчиваются. Во-первых, алтайский чекан — проушный, а не втульчатый. Во-вторых, его обух исполнен в виде фигуры хищника, припавшего на лапы. Также совершенно оригинально выполнена голова хищной птицы под бойком. В-третьих, курган датируется весьма поздним временем — IV-II вв. до н. э.

В связи со всем сказанным, есть некие основания рассматривать биметаллический чекан из Харькова в качестве одного из переходных, возможно, поздних генетических звеньев в процессе формирования биметаллических чеканов раннескифского времени (Окатенко, Зимовец, Скорый 2023, с. 14 — 15).

Во всех приведенных выше трёх случаях (чеканы из кавказского Перкальского могильника и Харьковской области) мы сталкиваемся как с художественным, так и с технологическим экспериментами, в результате которых рождались некие переходные формы от бронзовых ко втульчатым биметаллическим чеканам, не получившие дальнейшего распространения. Вполне допустимо, что в случае перкальского и бронзового харьковского чеканов мы имеем дело с маркерами миграции некоего ограниченного контингента населения Саяно-Алтая и / или Южной Сибири в Восточную Европу.

Более же вероятным нам представляется «эстафетная передача» такого рода предметов, в процессе которой они приобретали новые черты. Мастера, изготовившие перкальский и бронзовый харьковский чекан были хорошо знакомы как с традиционными бронзовыми центральноазиатскими чеканами с головкой хищной птицы, так и с новыми технологическими приемами, такими, как использование железа в бойковой и обушной части, а также втулки с перекрывающим железную пластину колпачком (в случае харьковского бронзового чекана — это псевдоколпачок). Где территориально, и какими именно мастерами могло быть осуществлено инновационное использование

железа в бойковой части — пока сказать сложно. Одной из территорий, на которой могла произойти трансформация чеканов — переход от бронзы к биметаллу, — вполне могло быть Приаралье, где зафиксирован наиболее ранний по времени чекан. Однако, возможно, имело место и несколько центров такого рода «биметаллизации»: наряду с приаральским, — кавказский, ананьинский и, судя по новым данным — северопричерноморский. Хотя не исключено, что «переходные» формы харьковских чеканов, все же, являются импортом, попавшим на эту территорию вместе с новыми носителями материального комплекса.

Поскольку головка хищной птицы — атрибут большинства чеканов обоих отделов — в конце раздела уделим внимание этой важной, с семантической и стилистической точки зрения, детали. Из 52 чеканов на 36 можно наблюдать ярко выраженную головку, еще на 6 — следы обломанной головки или же очень условную, возможно плохо пролитуую головку птицы. Таким образом, 42 чекана или 81 % характеризуются наличием этого атрибута.

Почти все головки расположены под бойком. Исключение составляют чеканы из Метрополитен Музея и Бугуруслана. В первом случае, две головки расположены симметрично — и под бойком, и под обушком. Во втором — одна головка расположена под бойком клювом вниз, а вторая — на верхней части втулки, клювом по направлению к бойку. За счет своего расположения верхняя головка на бугурусланском чекане выглядит как естественное продолжение втулки, а последняя — как шея птицы.

Головки птиц могут быть расположены параллельно бойку («смотреть» прямо), параллельно втулке («смотреть» вниз), либо под углом, близким 45°. Первый вариант отчетливо представлен на чеканах из Ахтырки (рис. 2: 1), погребения «G» Ананьино (рис. 2: 8), Харьковской области (рис. 3: 4), Молгачей (рис. 3: 7), Орехово (рис. 4: 1), р-на Армавира (рис. 4: 4), Украины (рис. 5: 1) и без точного места находки (рис. 5: 5). «Смотрящие» вниз головки можно наблюдать на чеканах из Турции (рис. 2: 6), горы Сулак (рис. 3: 8), Боровой (рис. 3: 12), Винницкой области (рис. 4: 2), Сумской области (рис. 4: 5), Украины (рис. 5: 3), Имирлера (рис. 6: 5), Шантарина (рис. 6: 8), Уйгарака (рис. 6: 10), двух погребений Ананьино (рис. 7: 1, 2). В остальных случаях головки расположены наискось, под углом ориентировочно 45°. Выделить какие-либо территориальные привязки и закономерности в позиции головки не удастся.

Все головки скульптурны, однако большинство из них ориентированы на боковой обзор. Несмотря на минимализм и лаконичность изображений, можно выделить определенные стилистические отличия, связанные с двумя признаками: изображением клюва и степенью скульптурности головки.

Клюв показан, преимущественно, двумя способами: он либо простой загнутый, либо закрученный в полу — или полный завиток. Этими же двумя способами показаны клювы головок хищных птиц и на других изделиях раннескифского времени, в первую очередь на пронизях-распределителях уздечных ремней. В свою очередь, простой загнутый клюв является атрибутом либо хорошо выраженной скульптурной головки, либо плоскостного изображения.

Характерно, что на кирковидных чеканах мы не встречаем головок птиц, клюв которых моделированы полным завитком или кружком. Лишь у бугурусланского чекана клюв нижней головки показан полузавитком, а его соприкасаемость со втулкой создает впечатление полного завитка. Головки птиц на чеканах из Ахтырки (рис. 2: 1) и Ананьино, погребение «G» (рис. 2: 8) показаны скульптурно, а глаза моделированы сквозными отверстиями. Похожим образом моделированы головки на чеканах из Муша (рис. 3: 5), Молгачей (рис. 3: 7), Украины (рис. 4: 6). Здесь глаза показаны либо отверстиями, либо очень глубокими впадинами, а в последних двух случаях прорезным является также и клюв. На некоторых кирковидных чеканах (Западный Кавказ, Тамань; рис. 2: 2—4) головки настолько условны, что представляют, скорее символ или же являются производственным браком. Тем не менее, здесь заметно стремление показать именно скульптурную головку. Таким образом, можно наблюдать определенную закономерность: скульптурные головки с прорезными глазами и загнутыми клювами в большей степени характерны для кирковидных чеканов и чеканов 1-го типа клинковидных чеканов.

Простой загнутый клюв может быть и атрибутом плоскостного изображения птичьей головки. В этом случае, как правило, хорошо выделены подклювье и надклювье, что можно наблюдать на чеканах из Харьковской области (рис. 3: 4), Западного Кавказа (рис. 4: 3), Украины (рис. 4: 7), одного из армавирских чеканов (рис. 3: 9), и неизвестного происхождения (рис. 3: 3). Привлекает внимание изображение головки на одном из чеканов из района Армавира (рис. 4: 4). Вытянутый клюв, загнутый в конце и гиперболизированный, посаженный над клювом глаз, сближает это изображение с птичьими головками на бронзовой бляхе из кургана 69 могильника Уйгарак (Вишневская, Итина 1971, рис. 7: 9) и бронзовом зеркале из кургана 2 у с. Герасимовка в Посулье (Ильинская 1968, табл. XLVI: 1). Что, в свою очередь, хорошо подтверждает общий хронологический горизонт этих изображений в рамках VII — середины VI вв. до н. э.

Для большинства же клинковидных чеканов характерен закрученный клюв. Часто клюв, как и глаз птицы, показан простым кружком с углублением. Так что вся головка предельно лаконично моделируется двумя кружками и похожа на 8-видную фигуру. Та-

ковы изображения из Украины (рис. 3: 1; 5: 1), Винницкой области (рис. 4: 2), Уйгарака (рис. 6: 10), погребения IX-X-XI Ананьино (рис. 7: 1). Иногда вместо углублений в кружках можно наблюдать сквозные прорезы — Молгачи (рис. 3: 7), Сумская область (рис. 4: 6) — или же, скорее всего, неудавшееся намерение мастера их произвести (Украина; рис. 4: 8). В ряде изображений сквозным отверстием показан только клюв: Малая Азия (рис. 6: 6), Шантарино (рис. 6: 8), Ананьино (покупка Аспелина; рис. 7: 2).

В некоторых случаях изображения настолько условны, что начинают терять характерные черты птичьей головки. Речь идет, в первую очередь, о двух чеканах с территории Украины (один из них — из Сумской области) (рис. 4: 6, 8). Очевидно, что по замыслу здесь планировалось изображение птичьей головки с закрученным клювом, в которой глаза и завиток моделированы сквозными или псевдосквозными прорезами. По факту же изображения далеки от вида птичьей головки и напоминают, скорее, головы копытных или хищников с кольчатыми глазами и ртом / пастью.

Мы не думаем, что это сознательное стремление древних мастеров заменить классическое изображение птичьих головок другим образом. Семантика образа головки хищной птицы прочно связана с таким оружием как чекан, что подтверждается, в частности, и фольклорными материалами из Центральной Азии. Монгольская сказка о птице харцига-шибо (коршуне), которая «в прежнее время получила от неба силу и власть пробивать черепа у людей и есть их мозг» уже неоднократно приводилась для пояснения семантики птичьих головок на скифских чеканах (Членова 1967, с. 120; Курочкин, Субботин 1993, с. 61). Также необходимо обратить внимание и на тот факт, что в сопровождающей могиле № 22 кургана Аржан 2 молодая женщина была умерщвлена несколькими ударами чекана по голове, о чем свидетельствуют характерные повреждения черепа (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 291–292). Это непосредственно свидетельствует о ритуальной роли данного оружия, по крайней мере, для носителей определенных групп центральноазиатских номадов.

Ритуально-семантическая связь между образом головы хищной птицы и ударным оружием ближнего боя косвенно подтверждается также роговыми и бронзовыми «птицеголовыми» скипетрами как раннего, так и классического скифского времени. Также следует отметить, что на ранних тагарских ножах, датируемых Н. Л. Членовой VII в. до н. э., маленькие рельефные головки хищных птиц размещались между ручкой и лезвием (Членова 1967, с. 113, табл. 22: 9–12), т. е. они заполняли то же функциональное и видимо семантическое пространство, что и на чеканах.

Поэтому, скорее всего, в случае двух чеканов с территории Украины, мы сталкиваемся с технологическим искажением в процессе

производства. Видимо, мастера хотели изобразить именно головки хищных птиц с круглым «сквозным» глазом и закрученным клювом, а не копытное или хищное животное.

Наличие свернувшегося хищника на шляпке втулки из Метрополитен Музея (Нью-Йорк) является исключением, свидетельствующем об особом, церемониальном характере соответствующего чекана, однако это изображение не заменяло птичьей головки, размещенные под бойком и обухом данного экземпляра, а дополняло их.

Безусловно, благодаря чеканам, а также ременным распределителям образ обособленной птичьей головки уже в готовом, сформированном виде появляется в Северном Причерноморье, очевидно вместе с первыми носителями скифского материально-культурного комплекса. Он имел центральноазиатское происхождение, ведь именно в этом регионе зафиксировано его существование, по крайней мере, с VIII в. до н. э.

ГЛАВА **4** CHAPTER

МЕХАНИЗМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ
В ЕВРАЗИЙСКОМ
АРЕАЛЕ

MECHNISM
OF DISSEMINATION
IN THE EURASIAN
AREA

На основании сделанных в предыдущей главе выводов, коснёмся общего вопроса о «механизме» *распространения биметаллических чеканов* на огромных территориях Евразии.

Как уже было продемонстрировано выше, мы имеем все основания предполагать генетическую связь между цельнолитыми бронзовыми чеканами (как без головки хищной птицы, так и уже с ней) алды-бельской и тагарской культур с биметаллическими чеканами, достоверно фиксируемыми уже западнее, начиная с Приаралья. В этом контексте заслуживает особого внимания еще одна гипотеза, происхождения биметаллических чеканов, связанная с ареалом ананьинской культуры Поволжья. Тем более, что на этой территории были зафиксированы как бронзовые, так и биметаллические чеканы.

В середине — начале второй половины XX в. находки чеканов данной группы в ананьинской культуре Прикамья исследователи связывали с проникновением их из Западной Сибири, области распространения карасукской культуры (Збруева 1952, с. 107). Редкие же находки такого оружия у савроматов объясняли проникновением ананьинских импортов (Смирнов 1961, с. 75). Следует сказать, что несколькими десятилетиями позже, когда круг находок биметаллических чеканов с птичьими головками расширился в евразийских пределах, ряд авторов объяснял их распространение — не только традиционно в Поволжье и Приуралье, у савроматов, но и в Центральной Азии (Уйгарак) (Вишневская 1973, с. 98) и на Северном Кавказе (Виноградов 1972, с. 125) культурными и торговыми контактами с населением ананьинской культуры Прикамья, аргументируя это тем, что биметаллические чеканы наиболее присущи именно ананьинской культуре (Кузьминых 1983, с. 142). Сравнительно недавно это мнение было поддержано А. Д. Таиловым (Таилов 2010, с. 114).

В настоящее время нам известно 13 чеканов с территории ананьинской культуры. Три из них — биметаллические, один — же-

лезный, остальные — бронзовые (Васильев 2001, с. 241–242, кат. I-44, I-45). Некоторые бронзовые чеканы являются достаточно оригинальными, даже уникальными, другие — весьма похожи на азиатские чеканы. Все они содержат изображение головки хищной птицы.

Как нам представляется, существующая гипотеза о решающей роли ананьинских племён в распространении биметаллических чеканов с птичьей головкой под бойком в пределах Евразии, в том числе на Кавказе, нуждается в критическом подходе. Как уже отмечалось ранее, В. И. Козенкова, проанализировав материалы Перкальского могильника кобанской культуры, где был найден подобный чекан, убедительно показала, что они (а, следовательно, и чекан) датируются не VI–V вв. до н. э., что могло свидетельствовать в пользу «ананьинской версии»), а концом VII — началом VI в. до н. э. Иными словами, перкальский и ананьинские чеканы абсолютно синхронны (Козенкова 2014, с. 161). К тому же, как уже было сказано ранее, ближайшие аналогии перкальскому чекану происходят не из Поволжья, а именно с территории тагарской культуры, что проявляется в таком диагностирующем признаке, как наличие «палочки» между втулкой и бойком (Членова 1967, с. 26). К слову сказать, именно к этому времени относятся и два биметаллических чекана из некрополя Эргета II (Колхида, Закавказье), о чём речь шла ранее.

В. И. Козенкова, на наш взгляд, вполне убедительно связывает появление единичных экземпляров данного оружия у кавказских племён, не свойственного их паноплии, с участием их представителей в переднеазиатских акциях под эгидой кочевых скифов. По завершению походов они могли принести этот вид оружия на историческую родину (Козенкова 2014, с. 161).

Принятию ананьинской версии мешает и достаточно поздняя хронология памятников, в которых были обнаружены чеканы — преимущественно VI–V вв. до н. э. Впрочем, здесь, возможно, мы сталкиваемся с той же проблемой рассинхронизации древностей, которая в свое время стояла перед исследователями тагарской культуры. Однако, даже если предположить определенное удревнение ананьинских памятников, вряд ли можно будет говорить об их хронологическом приоритете по отношению к Уйгараку или Имирлеру. В этой связи, мы считаем обоснованным рассматривать ананьинскую скифскую культуру и соответствующие чеканы, как оригинальную ветвь развития общескифского материального комплекса, который приобрел своеобразные черты из-за своей удаленности от основных центров архаической и классической Скифии.

В силу этого, мы солидаризируемся с Г. Н. Курочкиным и А. В. Субботиным, предложившими в свое время весьма заманчи-

вую версию, объясняющую некую концентрацию и бытование биметаллических чеканов в области племён ананьинской культуры. В её основе — гипотеза, выдвинутая в своё время М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским о том, что в какой-то части ананьинских племён следует видеть скифов-кочевников, отделившихся (отложившихся), по Геродоту (IV, 22), от основного ядра скифской коалиции во главе со скифами царскими (Погребова, Раевский 1989)⁸. Именно они принесли в Прикамье яркие черты скифской материальной культуры, в том числе биметаллические чеканы. Это отделение, по версии Г. Н. Курочкина и А. В. Субботина, могло произойти *после переднеазиатских походов*, т. е. где-то на рубеже VII—VI вв. до н. э. (Курочкин, Субботин 1993, с. 62). Данная идея кажется абсолютно плодотворной, поскольку хронологически синхронизируется с датами погребений, во всяком случае, могилы «Г».

Ананьинские чеканы сами представляют один из важных маркеров восточного, центральноазиатского влияния на паноплию раннего железного века Восточной Европы. Примечательно, что разные исследователи, как мы могли убедиться, связывают появление чеканов в Восточной Европе с разным этническим элементом. Общим остается, пожалуй, консенсус относительно их принадлежности воинам-кочевникам. Это могли быть собственно скифы. Например, Б. Б. Пиотровский не исключал распространение биметаллических чеканов в евразийском пространстве именно со скифами, допуская, что за ним могли стоять не только военные акции кочевников, но и культурные связи различного уровня (Пиотровский 1989, с. 8). Либо же речь может идти о киммерийцах, с памятниками которых А. И. Иванчик отождествляет находки этого оружия.

Последняя версия слаба тем, что биметаллические чеканы известны далеко за пределами родины исторических киммерийцев, равно как и ареала их азиатских походов. Проблема собственно скифской версии заключается в том, что среди ученых до сих пор нет единства по вопросу о том, с какой археологической культурой мы вправе отождествлять «восточных скифов». Если опорным памятником тут выступает Аржан 1 и, соответственно, алды-бельская и раннетагарская культуры, то в них не известны биметаллические чеканы. Они появляются гораздо западнее, там где нам известны уже *исторические*

⁸ Претензии коллеги С. Л. Дударева к нам по поводу того, что мы, якобы, не ссылались на известную гипотезу М. Н. Погребовой — Д. С. Раевского о соотношении какой-то части ананьинских племён с отложившимися (отделившимися), по Геродоту, скифами абсолютно беспочвенны. В нашей статье, вышедшей в 2023 г., в сжатом виде излагается точка зрения указанных исследователей с соответствующей ссылкой на известную статью (Скорый, Зимовец 2023, с. 52).

саки. В этой связи, стоит вспомнить версию уже неоднократно упоминавшихся нами Г. Н. Курочкина и А. В. Субботина, считавших основными пользователями и распространителями данного ударного оружия ближнего боя с востока на запад не скифов, а их центральноазиатских союзников, принимавших с ними участие в эпохальных переднеазиатских походах (Курочкин, Субботин 1993, с. 62), т. е. саков.

Именно с сакским этническим элементом связывал проникновение биметаллических чеканов в Малую Азию и С. Л. Дударев (Дударев 1998, с. 89 — 90). Возможно, именно приаральские саки, восприняв такое оружие как чеканы у своих восточных соседей с территории Алтая, Южной Сибири, Западной Монголии, Синьцзяна, преобразовали их в более эффективные биметаллические изделия. Такой процесс, судя по всему, произошел довольно быстро, в рамках первой половины — середины VII в. до н. э.

Принимая во внимание подвижный характер раннекочевых обществ, очень сложно точно определить территорию такого рода инновации. Возможно, она была осуществлена в Приаралье, однако не исключены как более восточные, так и западные регионы — вплоть до Кавказа и востока Украины. И бронзовый, и биметаллический чеканы с речки Уды свидетельствуют в пользу того, что здесь также могли происходить процессы, связанные с появлением этого нового оружия. «Киммерийские» черты (узоры в виде птичьей лапки) бронзового чекана, вместе с переходной формой его втулки, а также уникальность харьковского биметаллического чекана свидетельствуют в пользу их глубокой архаичности. Они вряд ли могли быть изготовлены позднее середины VII в. до н. э. Немногим моложе харьковского биметаллического чекана является и изделие из Перкальского могильника.

Вместе с тем, чеканы из Орехово и Ахтырки, по нашему мнению, также как и большинство кавказских экземпляров, относятся к несколько более позднему времени, а именно — к завершающему периоду переднеазиатских походов — **концу VII — началу VI в. до н. э.** Наше мнение основывается на большом сходстве экземпляра из Ахтырки с чеканом, найденным в имирлерском погребении в Анатолии, дата которого — **конец VII — начало VI в. до н. э.** — сомнений не вызывает. Видимо, к этому же времени нужно относить и чекан, обнаруженный на Тамани (хранящийся ныне в Музее оружия в Запорожье), весьма сходный внешне с чеканами из Имирлера и Ахтырки.

Резюмируя всё сказанное, можно предложить следующую версию распространения втульчатых биметаллических чеканов в евразийском ареале. Генетически они связаны с восточными бронзовыми цельнолитыми чеканами, получившими распространение на

обширных территориях Южной Сибири, Алтая, Тувы, возможно, других смежных регионов восточной части Центральной Азии (Синцзяна, Монголии, Ордоса). Наличие в этих регионах мощной традиции изготовления чеканов, связанной еще с карасукской культурой, а также морфологическое подобие ряда биметаллических и бронзовых чеканов позволяет усматривать некую магистральную линию развития этого вида оружия. При этом на западе основное распространение получили клинковидные чеканы, в то время как на востоке они встречаются достаточно редко, здесь преобладают округлые либо многогранные в боевой части чеканы. Трансформацию же округлых восточных чеканов в кирковидные вполне можно объяснить самой заменой бронзового материала боевой части на железный, который, в процессековки, получал естественную подквадратную форму.

Наиболее ранний и один из самых восточных экземпляров биметаллических чеканов засвидетельствован, по данным археологии, в Приаралье, у саков, в могильнике Уйгарак (**начало — первая половина VII в. до н. э.**). Видимо, в первой половине VII в. до н. э. происходит технологическая инновация, в результате которой бронзовый боек и обух заменяются железной / стальной пластиной, вставленной в бронзовую втулку. Саками, участниками скифских походов в страны Древнего Востока, такие чеканы были принесены в Малую и, возможно, Переднюю Азию, а также, скорее всего, и на территорию Украины.

Распространение биметаллических кинжалов в Прикамье, в области ананьинской культуры, в **конце VII — начале VI вв. до н. э.**, хорошо объясняется версией о приходе на эту территорию какой-то части скифов (саков), участников переднеазиатских походов, имевших в составе паноплии указанное «сакское» оружие. Савроматы Нижнего Поволжья и Приуралья, находясь между Приаральем и территорией распространения ананьинской культуры, естественным образом стали реципиентами этого вида вооружения.

До недавнего времени 3 биметаллических чекана, происходящие с востока геродотовой Скифии (Орехово, Ахтырка, Уды), являлись наиболее западными из достоверно зафиксированных экземпляров этого довольно немногочисленного «сакского» оружия ближнего боя. Однако новые экземпляры, которые удалось собрать в настоящем издании, свидетельствуют, что использование этого оружия на территории исторической Скифии было более широким, чем предполагалось ранее. Более того, оно получило распространение, как на Левобережье, так и на Правобережье Днепра. Тем не менее, остается факт сравнительной малочисленности чеканов, по сравнению с другими видами архаического вооружения

Скифии. И именно он, в сочетании с кратким периодом бытования (чеканы не получили дальнейшего развития в Северном Причерноморье и на Кавказе) свидетельствует в пользу того, что *биметаллические чеканы фиксируют пути миграции воинских группировок саков из Центральной Азии в Восточную Европу и Малую Азию*, как во время знаменитых переднеазиатских походов, так и после их окончания и «возвращения» на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье.

ГЛАВА

5

CHAPTER

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ
ЧЕКАНЫ
VS БРОНЗОВЫЕ
ЛИТЫЕ ШЛЕМЫ
ЭПОХИ СКИФСКОЙ
АРХАИКИ
В ЕВРАЗИИ

BIMETALLIC
PICKAXES
VS BRONZE
CAST HELMETS
OF THE SCYTHIAN
ARCHAIC PERIOD
IN EURASIA

Различие в оформлении бойка биметаллических чеканов, позволившее выделить в их совокупности два основных отдела оружия — «кирковидные» и «клинковидные», разумеется, не случайно и нуждается в объяснении, хотя бы на уровне версии. И те, и другие являлись ударным оружием, в первую очередь — воина, предназначенным для поражения противника в ближнем, контактном бою. Между тем, вряд ли будет ошибочным полагать, что весьма существенно различающиеся по форме бойка чеканы предполагали более узкопрофилированное назначение.

Получившие, несомненно, доминирующее распространение в кругу данного вида оружия чеканы с «клинковидным» довольно широким бойком, на наш взгляд, предназначались для нанесения сильного удара режущего типа, мощь которого усиливалась за счёт рычага руки. Площадь поражения таким оружием была примерно до 4—5 см. Вполне возможно, что такие чеканы использовались для нанесения удара не только, и не столько по открытым частям тела неприятеля, но различного типа доспехам, например, плотных кожаных или чешуйчатых металлических панцирей, а также шлемам.

Чеканы же с «кирковидным» бойком предназначались для нанесения точечного удара остриём бойка — «кловом» на весьма небольшую площадь. Ограничение площади удара очень острым бойком способствовало большой поражающей эффективности этого оружия. Разумеется, такие чеканы могли использоваться по-разному, но, видимо, основное назначение «киркообразного» оружия — нанесение мощных ударов по тяжелому доспеху, например, бронзовым литым шлемам «кубанского» типа, известным в раннескифскую эпоху в обширном евразийском пространстве. К слову, стоит напомнить, что *острие «кирковидного» чекана из Ахтырки расплющено*, что несомненно, связано с сильным ударом (ударами) о прочную металлическую поверхность.

Об определённой взаимозависимости этих видов наступательного и оборонительного вооружения, т. е. чеканов и шлемов, писал в

Рис. 15. Карта находок бронзовых литых шлемов так называемого кубанского типа на территории Евразии

Fig. 15. Map of finds of the bronze cast helmets of so-called Kuban type on territory of Eurasia

своё время А. Ю. Алексеев, указывая, что биметаллические чеканы и шлемы «кубанского» типа исчезли практически синхронно, в основном в VII в. до н. э., на всех территориях, где ранее фиксировались (Алексеев 2003, с. 52).

Ещё ранее была высказана мысль, что *появление литых бронзовых шлемов, на примере военного дела в Китае эпохи Инь (XIII – XI вв. до н. э.) могло быть связано с поиском эффективной защиты против ударов клевцами с широким треугольным бойком* (Варёнов 1990, с. 58). В определённой степени эта идея (о появлении вначале эффективного наступательного (ударного) оружия ближнего боя, а затем — оборонительного, (доспеха) была спроецирована и на шлемы «кубанского» типа (Варёнов 1992, с. 104; Алексеев 2003, с. 52).

В настоящее время науке известно **24** шлема «кубанского» типа (Скорый 2024), слегка варьирующих внешне, хотя реальное число этого доспеха и нынче может быть большим (см сводки: Рабинович 1941, с. 105 – 120, табл. II – IX; Черненко 1968, с. 76 – 82, рис. 41 – 44; Галанина 1985; Алексеев 2019; Вальчак, Недомолкин 2022; Вальчак, Муравенко 2023). Один шлем, найденный на Северном Кавказе, известен нам в частной коллекции в Украине (Скорый 2024а); остальные хранятся в музейных собраниях. Подавляющее количество (**17** экз.) обнаружено в Европе, при этом **14** экз. — достоверно в Прикубанье и Предкавказье. По одному — в украинской Правобережной Лесостепи и Поволжье. Места находок трех шлемов (собрание ГИМ — 2 экз.; и экземпляр в Музее Войска Польского в Варшаве), к сожалению, не известны.

В Азии пока обнаружено **6** шлемов так называемого кубанского типа: один — в Западной Сибири (на Иртыше), по одному — в Узбекистане и Кыргызстане, два — в Казахстане и один в Монголии. К сожалению, все азиатские шлемы представлены *случайными находками*.

Таким образом, территория распространения данного доспеха в Евразии обширна: от Монголии — на востоке, до Украины (бассейн р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье) — на западе (рис. 15; Галанина 1985; Алексеев 2003, с. 47 – 48; 2019, с. 224).

Вполне очевидно, и это справедливо в своё время было отмечено, что ареалы указанных шлемов и биметаллических чеканов *во многом* совпадают: и те, и другие встречены на Северном Кавказе, в широком смысле этого понятия, в Северном Причерноморье, Поволжье, Западной Сибири, Центральной Азии (рис. 1; 15; Алексеев 1992, с. 105 – 106, 202, рис. 1).

Но это совпадение — вовсе не полное. Ареал литых шлемов гораздо обширнее, охватывая в восточном направлении Притяньшанье и Монголию. Однако при этом, пока не фиксируется распространение шлемов в северном и западном направлениях в пределах, например, территории Украины. Единственная находка литого бронзового

шлема встречена в бассейне Тясмина (правый приток Днепра). Биметаллические же чеканы известны гораздо севернее и западнее названной находки шлема.

Совпадает *в основном* и время бытования в евразийском ареале биметаллических чеканов (VII — первая половина VI вв. до н. э.) и литых шлемов «кубанского» типа, которые аргументировано датируют (по погребальным комплексам) в основном VII в. до н. э. (см.: Алексеев 2003, с. 48; 2019, с. 224, там же — библиография; Скорый 2024, с. 41—44). Однако полного хронологического соответствия также не наблюдается. Биметаллические чеканы, в отличие от литых бронзовых шлемов, ещё использовались, как минимум, *полстолетия*.

Подчеркнём следующее. Из упомянутых **17** шлемов, найденных в Восточной Европе (**14** — в Прикубанье и Предкавказье), **8** происходят из **7** хорошо датированных погребальных комплексов (Келермесские курганы — **4** экз.; курганы у станицы Крымской — **2** экз., фрагмент шлема из кургана № 8 у хутора Красное Знамя, курган № 20 могильника у селения Нартан).

Даты погребальных комплексов таковы: 1) Келермесский курган № 2 / Веселовского — *середина — третья четверть VII в. до н. э.*, по Л. К. Галаниной (Галанина 1997, с. 178), или *вторая половина VII в. до н. э.*, по В. Г. Петренко (Петренко 2006, с. 112—113); 2) Келермесский курган 1 / Шульца — *четвертая четверть VII в. до н. э.*, по Л. К. Галаниной (Галанина 1997, с. 178), но не *позже 620 г. до н. э.*, по А. Ю. Алексееву (Алексеев 2003, с. 103—104); 3) Келермесский курган № 15 (погребение № 3, раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа) хронологически входит в общую группу Келермесского могильника, дата существования которого, по А. Ю. Алексееву, не выходит за рамки *660—620 гг. до н. э.* (Алексеев 2003, с. 103); 4) Воронцовский курган у станицы Крымская содержит шлем, чрезвычайно близкий найденным в Келермесских курганах, на что справедливо обратил внимание ещё Б. З. Рабинович (Рабинович 1941, с. 111, табл. VI: 1) и соответствует по времени Келермесским курганам, в пределах *VII в. до н. э.*; 5) Мазепинский курган у станицы Крымская, в составе инвентаря которого найден выразительный обломок от бронзового шлема, по мнению Б. З. Рабиновича, абсолютно подобного двум шлемам из Келермесского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским (Рабинович 1941, с. 111); соответственно, его дата — *середина — третья четверть VII в. до н. э.* 6) курган № 8 у хутора Красное Знамя по выразительной группе сопровождающего инвентаря относится ко *второй половине VII в. до н. э.* (Петренко 2006, с. 112—113, 142, № 211, табл. 53, 211). Особый интерес представляет погребальный комплекс с кубанским шлемом в кургане № 20 у селения Нартан в Центральном Предкавказье. По представительному набору вещей погребального инвентаря он надёжно датируется *первой половиной VII в. до н. э.*, точнее *второй*

четвертью указанного столетия и убедительно свидетельствует о бытовании литых бронзовых шлемов уже с *начала VII в. до н. э.* (Махор-тых 1991, с. 75; Алексеев 1992, с. 49; 2003, с. 108, табл. 5; Петренко 2006, с. 113).

Несмотря на то, что бронзовые литые шлемы, найденные в Азии, являются случайными находками, они, судя по некоторым своим конструктивным деталям, имеющим аналогии у восточноевропейских шлемов «кубанского» типа, не могут быть оторваны от них по времени.

Возникают два вопроса, касающиеся литых шлемов «кубанского» типа и биметаллических чеканов раннескифского времени: 1) действительно ли литые бронзовые шлемы *вторичны* по отношению к биметаллическим чеканам? 2) являлись ли они столь *надёжным доспехом*, способным однозначно защитить голову воина при нанесении удара этой разновидностью оружия ближнего боя?

Как известно, существуют три точки зрения по вопросу происхождения литых бронзовых шлемов, которые А. Ю. Алексеев, предложил назвать «северокавказской», «переднеазиатской» и «центральноазиатской» — «северокитайской» (Алексеев 2003, с. 48; 2019, с. 224 — 225).

Наиболее аргументированной ныне является последняя точка зрения, предполагающая происхождение литых шлемов «кубанского» типа от литых шлемов, известных на территории Центральной Азии (например, в плиточных погребениях Монголии; культура оставившего их населения относится к XIII — VI вв. до н. э.) и Северного Китая эпохи Западного Чжоу (эпоха поздней бронзы, см. Варёнов 1992; 1994; Алексеев 2003, с. 48 — 50; 2010, с. 225 — 226, там же библиография). Действительно, указанные шлемы близки конструктивно, по технике исполнения и отличаются лишь некими деталями.

Судя по хронологии так называемых кубанских шлемов, особенно комплекса кургана № 20 из Нартана, китайские литые шлемы западного Чжоу, известные и в плиточных могилах Монголии, вполне смыкаются хронологически с «кубанскими», являясь их прототипами. Это обстоятельство позволяет допустить, что *шлемы «кубанского» типа вовсе были не вторичны по отношению к биметаллическим чеканам: их появление, скорее всего, предшествовало чеканам.* Иными словами, на наш взгляд, следует переставить акценты по поводу «взаимоотношений» этих категорий защитного и наступательного вооружения раннескифской эпохи.

Действительно, в Китае (как отмечалось ранее), уже в иньскую эпоху, а затем эпоху Западного Чжоу использовались бронзовые литые шлемы (Комиссаров 1988, с. 78 — 79, рис. 65 — 66; Варёнов 1990, с. 67, рис. 26). Вероятно, они являлись защитой от бронзовых клевцов с широким округлой или многогранной формы бойком, служивших

«для проламывания черепов противника» (Комиссаров 1988, с. 50, рис. 36; с. 60 — 61; Варёнов 1990, с. 58).

Однако с появлением биметаллических чеканов в эпоху скифской архаики с железным, а скорее — стальным, хорошо заточенным бойком, защитная миссия бронзовых литых шлемов перестала быть абсолютной.

В подтверждение сказанному обратимся к конкретным фактам, касающимся бронзовых литых шлемов так называемого кубанского типа.

Изучение всех доступных нам шлемов, с точки зрения сохранности данных артефактов, даёт следующую картину. Помимо трех находок шлемов, две из которых — лишь фрагменты доспеха (станция Крымская, Мазепинский курган, Прикубанье; хутор Красное Знамя, курган № 6, Ставрополье, Предкавказье; Рабинович 1941, с. 111; Галанина 1985, с. 170, рис. 1: 5; Петренко 2006, табл. 53: 211), третья — сильно смятый и поврежденный сельхозтехникой, при пахоте шлем, найденный у сс. Мельники-Головковка, вблизи Мотронинского городища на Черкащине (Полтавец, Білецька, Легоняк 2000, рис. 2), ещё, как минимум, 13 из 21 экз. (т. е. больше половины всех известных шлемов, сохранивших форму!) имеют следы той или иной деструкции, при сохранении общей формы.

На этом вопросе, на наш взгляд, имеет смысл остановиться подробнее.

Нарушения целостности доспеха имеют различный характер.

В пяти случаях — это довольно обширные *трещины*, иногда — *расколы* шлема, идущие от височной части вниз, с правой — Келермес, курган 1/Ш (Рабинович 1941, табл. IV; Черненко 1968, с. 79, рис. 44: 1; Галанина 1985, с. 170, рис. 1: 3; 1997, табл. 14: 10) или левой (Келермес, к. 2 /В, шлем № 2, Воронцовский курган у станции Крымская (Рабинович 1941, табл. III; VI: 1; Черненко 1968, с. 78, рис. 43: 1) створ шлема, либо от затылка вниз (Гора Хитруун, в Бат-Улзий-сомоне, Убурхангайский аймак, Монголия, случайная находка) (рис. 16: 1 — 2; 17: 4; Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010, рис. 2: 6). Подобные трещины на шлемах, на наш взгляд, вполне могли образоваться при нанесении сильных ударов биметаллическими чеканами, вероятно, с *клиновидным* бойком. В пользу данной версии свидетельствует и местоположение трещин в трёх случаях — район виска воина.

Несомненно, *древние* отверстия — *пробоины вытянутой или овальной, округлой* форм зафиксированы на шлемах, найденных: близ колхоза «Прогресс» (Адыгея, Северный Кавказ), на *куполе шлема* (Вальчак, Недомолкин 2022, с. 37, рис. 1: 39; 2: 2), при этом края пробоины покрылись окислами, свидетельствующими, что пробоина — древняя (рис. 16: 3, 3а); у с. Старый Печеур в Поволжье, *спереди* — небольшая пробоина (Рабинович 1941, с. 113, табл. VII); на городище Кысмычи,

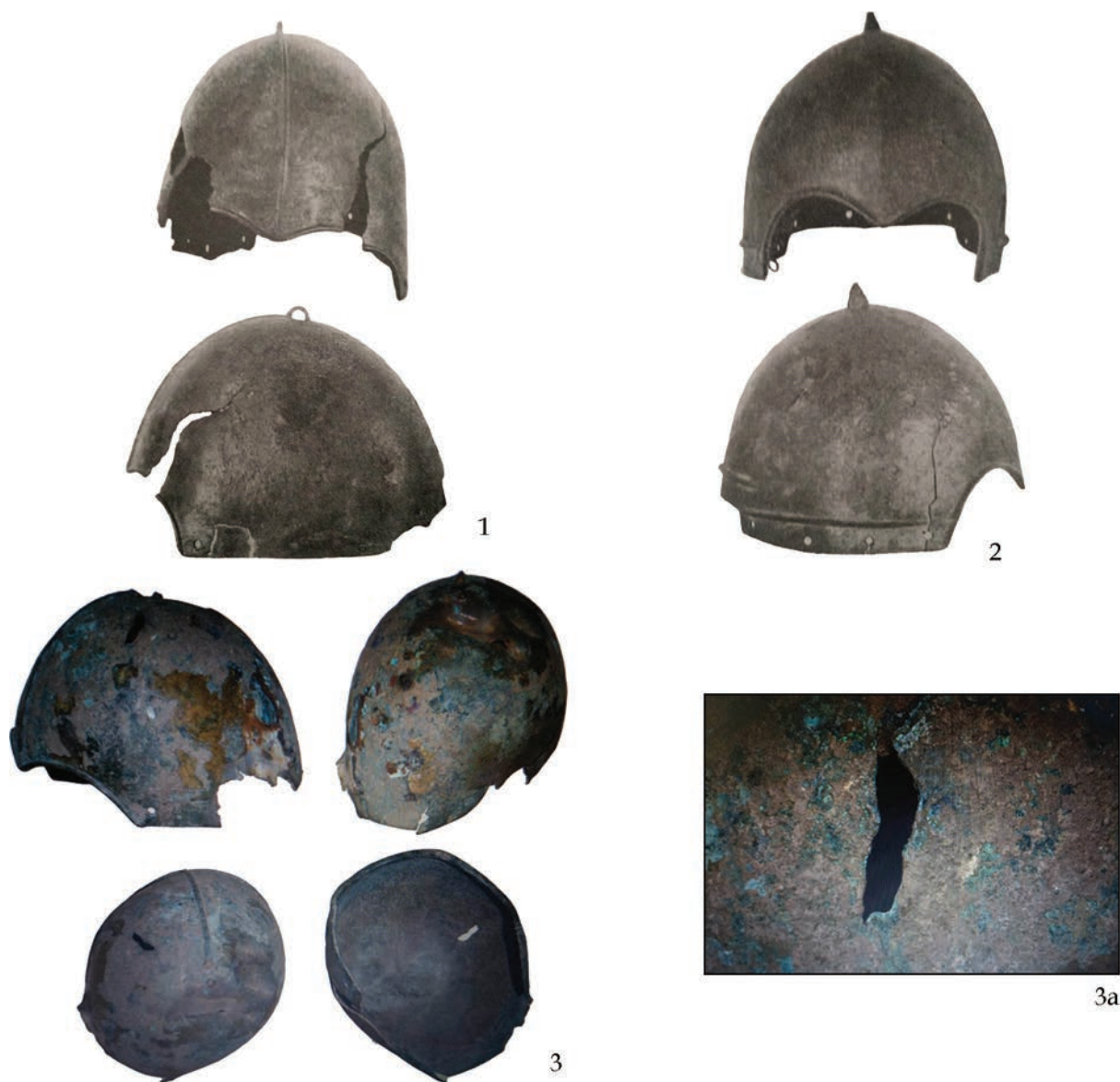

Рис. 16. Шлемы так называемого кубанского типа со следами деструкции: 1 — Келермесская станица, Краснодарский край, Прикубанье, курган № 1, раскопки Д. Г. Шульца (1903); 2 — Келермесская станица, курган № 2 раскопки Н. И. Веселовского (1904); 3, 3а — колхоз «Прогресс», Республики Адыгея, случайная находка (1984); 4 — Келермесская станица, Прикубанье, курган № 15 (погребение № 3), раскопки Келермесской экспедиции Эрмитажа (1993); 5 — коллекция ГИМ, шлем № 1, место находки не известно.
1, 2 — по Рабинович 1941, табл. III, IV, V; 2; 3 — по Вальчак, Недомолкин 2022, с. 37, рис. 1; с. 39, рис. 2; 2); 4 — по Алексеев 2019, с. 227, рис. 1; 5 — по Вальчак, Недомолкин 2022, с. 40, рис. 3: 4

Fig. 16. Helmets of so-called Kuban type with tracks of destruction: 1 — Kelermesskaya village, Krasnodar region, Kuban, the burial mound N 1, excavations of D. G. Shults (1903); 2 — Kelermesskaya village, the burial mound N 2, excavations of N. I. Veselowsky (1904); 3, 3a — the collective farm «Progress», Republic Adygeya, come-by-chance; 4 — Kelermesskaya village, burial mound N 15 (grave N 3), excavations of Kelermes expedition of the Hermitage (1993); 5 — collection of GIM, helmet N 1, the place of find is unknown.

1, 2 — after Рабинович 1941, табл. III, IV, V: 2; 3 — after Вальчак, Недомолкин 2022, с. 37, рис. 1; с. 39, рис. 2: 2; 4 — after Алексеев 2019, с. 227, fig. 1; 5 — after Вальчак, Недомолкин 2022, с. 40, рис. 3: 4

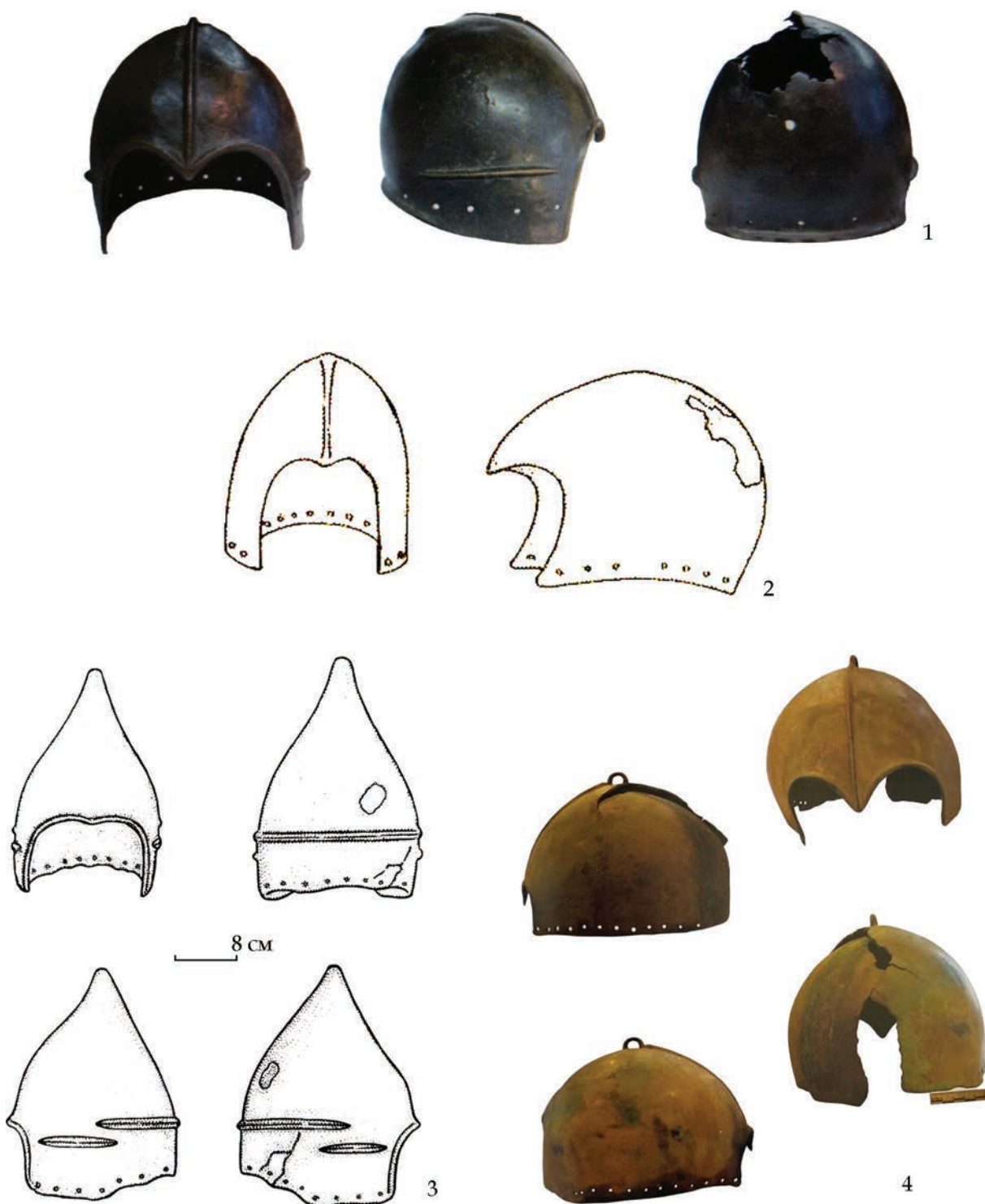

Рис. 17. Шлемы так называемого кубанского типа со следами деструкции:

Fig. 17. Helmets of so-called Kuban type with tracks of destruction:

1 — коллекция ГИМ, шлем № 2, место находки не известно; 2 — район р. Иртыш, Западная Сибирь, случайная находка 1880-х гг.; 3 — Тогуз-Тороуский район, Джалал-Абадская область, Кыргызстан, случайная находка начала 2000-х гг.; 4 — гора Хитруун, Бат-Улзий-сомоне, Убурхангайский аймак, Монголия, случайная находка 2000-х гг.

1 — по Вальчак, Недомолкин 2022, с. 44, рис. 6: 1; 2 — по Рабинович 1941, с. 113–114, рис. 2; 3 — по Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2001, с. 102, рис. 1; 4 — по Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010, с. 54, рис. 2: 1–4; с. 56–57, рис. 6

1 — collection of GIM, helmet N 2, the place of find is unknown; 2 — the Irtysh River area, Western Siberia, come-by-chance 1880th; 3 — Togus-Torouskii district, Jalal-Abad region, Kyrgyzstan, come-by-chance of beginning 2000th; 4 — mountain Hitruun, Bat-Ulzii-somone, Uburhangaiskiy aimak, Mongolia, come-by-chance 2000th.

1 — after Вальчак, Недомолкин 2022, с. 44, рис. 6: 1; 2 — after Рабинович 1941, с. 113–114, рис. 2; 3 — after Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2001, с. 102, рис. 1; 4 — after Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010, с. 54, рис. 2: 1–4; с. 56–57, рис. 6

в Южном Казахстане, в верхней части шлема, на темени — древняя заливная заплата, что, без сомнения, говорит о том, что шлем был пробит, а затем подвергся ремонту (Копылов 1957, табл. VIII: 5; Галанина 1985, с. 170, рис. 1: 12; 180–181, № 14); случайная недавняя находка в Кыргызстане, Тогуз-Тороуский р-н Джелал-Абадская обл. — с правой стороны, между наушем и подзатыльником имеется трещина, а на задней части купола, с правой стороны — овальное отверстие (рис. 17: 3; Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2001, с. 101–104, рис. 1). Весьма впечатляет прямоугольное отверстие в затылочной части шлема, найденного не столь давно на Кубани, закрытое в ходе ремонта специальной латкой (Скорый 2024а, с. 174, рис. 1: 2, с. 177, рис. 5: 1, с. 178). Сомневаться в том, что эти древние деструкции на упомянутых шлемах «кубанского» типа оставлены ударным оружием ближнего боя — чеканами, вероятно, *кирковидного типа*, оснований нет.

Скорее всего, следами разрушительного воздействия биметаллических чеканов, видимо, с *клинковидным бойком*, являются рваные *пробоины* довольно большого размера на затылочной (теменной) части трех шлемов — двух, хранящихся в коллекции ГИМ (Вальчак, Недомолкин 2022, с. 40, рис. 3: 4; 44, рис. 6: 1) и шлеме, найденном в Западной Сибири (рис. 16: 5; 17: 1, 2; Рабинович 1941, с. 113–114, рис. 2). Нанести такой урон литому массивному шлему мечом или копьем невозможно! Вряд ли мы ошибемся допустив, что данная деструкция доспеха связана с использованием чеканов.

Известен ещё один «кубанский» шлем, у которого в лобной части находится отверстие небольших размеров. Мы имеем в виду шлем из кургана № 15 Келермесского могильника (рис. 16: 4; Алексеев 2019, с. 227, рис. 1). Пожалуй, появление указанного отверстия может быть связано с воздействием ударного оружия ближнего боя. Между тем, публикатор находки не акцентирует внимания на данном факте.

Рис. 18. Шлем «Кубань-2020» со следами ремонта после пробоины в затылочной части; Музей истории оружия Евгения Гредунова.
По Скорый 2024, с. 174, рис. 1

Fig. 18. Helmet «Kuban-2020» with traces of repair after a hole in the back of the head; Evgeny Gredunov Museum of Weapons History.
After Скорый 2024, с. 174, рис. 1

Рис. 19. Шлем «Кубань-2020»; следы пластины-латки на пробоину с внешней стороны затылочной части.
По Скорый 2024, с. 177, рис. 5: 1
Fig. 19. Helmet «Kuban-2020»; traces of a patch on a hole on the outside of the occipital part.
After Скорый 2024, с. 177, рис. 5: 1

В свете приведённых данных, вполне очевидно, что бронзовые литые шлемы вовсе не являлись идеальным доспехом, получив определённое распространение в скифо-сакской, прежде всего, кочевой среде Евразии.

Биметаллические чеканы со стальным бойком, по-видимому, оказались грозным оружием в руках умелого, физически сильного воина, способным разрушать столь мощный литой бронзовый доспех — массивные шлемы так называемого кубанского типа (рис. 18; 19).

Данные соображения, основанные на конкретных фактах, увы, весьма слабо согласуются с высказанной недавно умозрительной точкой зрения о том, что шлемы «кубанского» типа могли быть эффективной защитой головы от удара чекана-клевец (Дударев 2024, с. 197).

О-шелом-ить, то есть нанести сокрушительный удар по шелому (шлему) с вероятностью деструкции доспеха, что влекло за собой серьёзное ранение или летальный исход противника, являлось делом вполне реальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ CONCLUSION

Данная работа посвящена биметаллическим чеканам раннескифской эпохи — интересной и до последнего времени недостаточно изученной категории наступательного вооружения ранних кочевников. Чекан — это ударное оружие ближнего боя с прямой боевой частью, заканчивающейся с одной стороны заострённым бойком, с другой — разной длины молоточковидным обухом. Этими особенностями чеканы отличаются от топоров, для которых характерно сочетание бойка и широкого лезвия, и клевцов, имеющих изогнутый клювовидный профиль и, обычно, молоточковидный обух (хотя изредка у них присутствует широкая, рубящая часть, характерная для топоров).

С технологической точки зрения биметаллические чеканы — это результат механического соединения двух функциональных, основных частей оружия, выполненных из разных металлов и различными приёмами: железной или стальной кованной боевой части (обушок, боёк), и бронзовой, отлитой в двухстворчатой форме втулки. При этом механическое соединение двух упомянутых частей осуществлялось путём вставки железной части в створку литейной формы и последующей заливкой формы расплавленной бронзой, что позволяло предельно прочно соединяться обеим частям оружия.

Почти непременной особенностью биметаллических чеканов является наличие под бойком отлитой вместе с втулкой стилизованной головки хищной птицы, выполненной в традициях скифского звериного стиля.

В монографии учтены 52 экз. биметаллических чеканов, происходящих с обширной территории от Приаралья на востоке до правого берега Днепра на западе и от Малой Азии на юге до региона Волги и Камы — на севере. Это более чем в 2 раза больше, чем было известно и учтено до настоящего времени.

Из всей совокупности известных ныне биметаллических чеканов 1 найден на городище, еще 11 обнаружены на территории могильников. Однако среди них в закрытых комплексах находилось только 6 чеканов. Остальные 40 экз. (более 76 %) найдены вне погребальных

или поселенческих памятников, либо случайно (например, на вспаханном поле), либо с помощью металлодетектора, на очень небольшой глубине. Территориально, **21** чекан происходит с территории Украины, **12** из них имеют точную или относительную привязку к местности. **11** чеканов обнаружены на Кавказе, в его северной и северо-западной частях. **2** чекана происходят с территории Кубани-Тамани, т. е. также тяготеют к кавказскому региону. Остальные чеканы территориально распределяются следующим образом: Западная Сибирь — **3** экз., Южный Урал — **3** экз., Волго-Камский регион — **4** экз., Малая Азия — **4** экз., Малая Азия или Ближний Восток — **1** экз., Центральная Азия — **1** экз. Место находки **2-х** экз. — не известно.

В работе предложена классификация чеканов. Все изделия, внешний вид которых определяем (**47** экз.), делятся на 2 отдела: чеканы с кирковидным, узким бойком, сужающимся к острию, обычно ромбовидным в сечении и достаточно длинным обухом (отдел I) и чеканы с клиновидным широким бойком, широким, но более коротким обухом (отдел II). Чеканы первого отдела представлены **9** экз. (**19 %** от общего количества оружия, внешний вид которого определяем). Большинство же чеканов — **38** экз. (**81 %**) — принадлежат к отделу клиновидных. Боевая часть у чеканов этого отдела схожа с двулезвийным клинком кинжала скифской поры, закрепленным в бронзовую втулку. Внутри отделов выделены типы: в отделе I — 2 типа, в отделе II — 3 типа.

Проведенное исследование показывает, что биметаллические чеканы датируются VII — первой половиной VI вв. до н. э. Нет оснований относить их к VIII в. до н. э., что делают некоторые сторонники заниженных датировок раннескифского периода. Наиболее ранние биметаллические чеканы, судя по кургану № 84 могильника Уйгарак, зафиксированы в Приаралье, на западе Центральной Азии.

В работе детально исследована эволюция биметаллических чеканов. Подчеркивается их генетическая связь с цельнолитыми бронзовыми чеканами тагарской и алды-бельской культур Южной Сибири и Алтая. В пользу этой версии свидетельствуют два главных аргумента. Во-первых, часть бронзовых чеканов Алтая и Южной Сибири, несомненно, связаны с раннескифским материальным комплексом, в пользу чего свидетельствуют и первые изображения в скифском зверином стиле — голова хищной птицы под бойком. Во-вторых, бронзовые чеканы с головкой хищной птицы появляются здесь в VIII в. до н. э. То есть они являются более ранними, нежели биметаллические чеканы.

Заслуживает внимания и тот факт, что бронзовые чеканы с головкой хищной птицы продолжают бытовать в восточной части Центральной Азии и в более позднее время (VI—V вв. до н. э.), тогда как биметаллические чеканы более западных регионов существуют на протяжении очень ограниченного периода, исчезая из употребления

Рис. 20. Некоторые биметаллические чеканы раннескифской эпохи из Европейской части Евразии после реставрации: 1, 2 — район Армавира, Прикубанье; 3 — Западный Кавказ; 4, 5 — Украина, место находки не известно

Fig. 20. Some bimetall pickaxes of Early Scythian epoch from European part of Eurasia after restoration: 1, 2 — district of Armavir, Kuban; 3 — Western Caucasus; 4, 5 — Ukraine, the place of find is unknown

к середине VI в. до н. э. Таким образом, в восточной части Центральной Азии мы можем наблюдать преемственность бронзовых чеканов с головкой хищной птицы на протяжении, по меньшей мере, четырех веков, в то время как на биметаллические чеканы на Западе — это

относительно кратковременный выплеск, связанный, скорее всего, с миграцией какой-то части центрально-азиатского населения в середине — второй половине VII — начале VI вв. до н. э.

В работе рассматривается и вопрос о том, на какой территории могла произойти такая инновация, как появление у чекана железной / стальной боевой части. Археологические данные свидетельствуют в пользу Приаралья. Однако нельзя исключать, что данный процесс происходил сразу на нескольких территориях, как восточнее Приаралья, так и в ходе продвижения раннескифских контингентов на Запад. В пользу последнего свидетельствуют некоторые переходные формы, от бронзовых к биметаллическим чеканам, обнаруженные на Кавказе и востоке Украины. Наряду с приаральским, центрами «биметаллизации» могли быть кавказский, волжско-камский и, судя по новым данным, — северопричерноморский регионы.

Несмотря на значительное увеличение зафиксированных биметаллических чеканов, остается непоколебимым факт их малочисленности, по сравнению с другими видами архаического вооружения Скифии. И именно этот факт, в сочетании с кратким периодом бытования (чеканы не получили дальнейшего развития в Северном Причерноморье и на Кавказе) свидетельствует в пользу того, что они фиксируют пути миграции воинских группировок кочевников раннего железного века с их первоначальных мест обитания в Центральной Азии на запад — Кавказ, Малую Азию и Северное Причерноморье. Учитывая тот факт, что появление биметаллических чеканов, в отличие от бронзовых, скорее всего, связано с более западными регионами Центральной Азии (Приаралье), мы соотносим возникновение этого типа вооружения с историческими саками, которые восприняли более восточный импульс и смогли трансформировать его в формы материального комплекса, известные на Кавказе и в Северном Причерноморье. Следует отметить, что саки принимали непосредственное участие как в переднеазиатских походах скифов, так в освоении пространств Северного Кавказа и Северного Причерноморья, т. е. в сложении этноса исторических, северопричерноморских скифов.

Учитывая находки биметаллических чеканов в Малой Азии, появление этого вида вооружения на Кавказе и в Северном Причерноморье необходимо трактовать как следы реального участия населения скифской эпохи, жившего в указанных регионах, в знаменитых походах в страны Древнего Востока.

Наряду с собственно переднеазиатскими предметами, встречаемыми в захоронениях кочевников скифской поры на Кавказе и в Северном Причерноморье, чеканы являются надёжными археологическими маркерами важных событий раннескифской истории, в которых брали участие не только собственно скифы, но и конгломерат племён, втянутый скифами-кочевниками в орбиту своих военных акций.

Сергій СКОРИЙ, Роман ЗИМОВЕЦЬ

БІМЕТАЛЕВІ ЧЕКАНИ ЕПОХИ СКІФСЬКОЇ АРХАЇКИ В ЄВРАЗІЇ

Робота присвячена біметалевим чеканам ранньоскіфської епохи — цікавій і досі недостатньо вивченій категорії наступального озброєння ранніх кочовиків. Чекан — це ударна зброя ближнього бою з прямою бойовою частиною, що з одного боку закінчується загостреним бойком, з іншого — різної довжини молоточкоподібним обухом. Цими особливостями чекани відрізняються як від бойових сокир, для яких характерне поєднання бойка і широкого леза, так і від клювців, що мають вигнутий дзьобоподібний профіль і, як правило, молоточкоподібний обух.

З технологічної точки зору біметалеві чекани — це результат механічного з'єднання двох функціональних частин зброї, виконаних з різних металів і різними прийомами: залізної або сталевий кованої бойової частини (бойок, обушок), та бронзової, відлитої у двостулковій формі втулки. При цьому механічне з'єднання двох згаданих частин здійснювалося шляхом вставки залізної частини в стулку ливарної форми та наступним заливанням форми розплавленою бронзою, що дозволяло гранично міцно з'єднуватися обом частинам зброї.

Майже неодмінною особливістю біметалевих чеканів (42 екз. або 81 % вид всіх чеканів) є наявність під бойком головки хижого птаха, виконаної у традиціях скіфського звіриного стилю та відлитої разом зі втулкою.

У монографії враховано 52 екз. біметалевих чеканів, що походять з великої території від Приаралля на сході до правого берега Дніпра на заході та від Малої Азії на півдні до регіону Волги та Ками — на півночі. Це більш ніж у два рази більше, ніж було відомо та враховано дотепер.

З усієї сукупності відомих нині біметалевих чеканів **1** знайдено на городищі, ще **11** виявлені на території могильників. Однак серед них у закритих комплексах знайдено лише 6 чеканів. Інші чекани — **40** екземплярів або більше **76 %** від загальної кількості — знайдені поза поховальними чи поселенськими пам'ятками, або випадково (наприклад, на ораному полі), або за допомогою металодетектора, на дуже невеликій глибині.

Територіально, **21** чекан походить з території України, **11** з них мають точну або відносну прив'язку до місцевості. **11** чеканів виявлені на Кавказі, у його північній та північно-західній частинах. **2** чекани походять з території Кубані-Тамані, тобто також тяжіють до кавказького регіону. Інші чекани територіально розподіляються наступним чином: Західний Сибір — **3** екз., Південний Урал — **3** екз., Волго-Камський регіон — **4** екз., Мала Азія — **4** екз., Мала Азія або Близький Схід — **1** екз., Центральна Азія — **1** екз. Місце знахідок **2-х** екз. не відомо.

У роботі запропоновано класифікацію чеканів. Всі вироби, зовнішній вигляд яких можна визначити (**47** екз.), діляться на два відділи: чекани з киркоподібним, вузьким бойком, що звужується до вістря, зазвичай ромбоподібним у перерізі і досить довгим обухом (відділ I) і чекани з широким клинковидним бойком, широким але коротшим обухом. Чекани першого відділу представлені **9** екз. (**19 %** від загальної кількості зброї, зовнішній вигляд якої можна визначити). Більшість чеканів — **38** екз. або **81 %** — належать до відділу клинкоподібних. Бойова частина у чеканів цього відділу схожа з дволезовим клинком кинджала скіфської доби, закріпленим у бронзову втулку. Усередині кожного з відділів виділені типи: у відділі I — **2** типи, у відділі II — **3** типи.

Проведене дослідження доводить, що біметалеві чекани повинні датуватися VII — першою половиною VI ст. до н. е. Немає підстав зараховувати їх до VIII ст. до н. е., що роблять деякі прихильники занижених датувань ранньоскіфського періоду. Найбільш ранній біметалевий чекан, судячи з кургану № 84 могильника Уйгарак, зафіксований у Приараллі, на заході Центральної Азії.

У роботі детально досліджена еволюція біметалевих чеканів. Наголошується на їх генетичному зв'язку з бронзовими цільнолитими чеканами тагарської та алди-бельської культур Південного Сибіру та Алтаю. На користь цієї версії свідчать два головні аргументи. По-перше, частина бронзових чеканів Алтаю та Південного Сибіру, безсумнівно, пов'язані з ранньоскіфським матеріальним комплексом, на користь чого свідчать і перші зображення у скіфському звіриному стилі — у вигляді голови хижого птаха під бойком. По-друге, бронзові чекани з голівкою хижого птаха з'являються тут у VIII ст. до н. е. Тобто вони є більш ранніми, ніж біметалеві чекани.

Заслужує на увагу і той факт, що бронзові чекани з голівкою хижого птаха продовжують побутувати в східній частині Центральної Азії і в пізніший час (VI—V ст. до н. е.), тоді як біметалеві чекани більш західних регіонів існують протягом дуже обмеженого періоду, зникаючи з вживання до середини VI ст. до н. е. Таким чином, у східній частині Центральної Азії ми можемо спостерігати спадкоємність бронзових чеканів з голівкою хижого птаха протягом щонайменше чотирьох століть, у той час як біметалеві чекани на Заході — це відносно короткочасний вибух, пов'язаний, швидше за все, з міграцією якоїсь частини центрально-азійського населення у середині — другій половині VII — на початку VI ст. до н. е.

У роботі розглядається і питання про те, на якій території могла статися така інновація, як поява у чеканів залізної / сталевий бойової частини. Археологічні дані свідчать, що нею могло бути Приаралля. Однак не можна виключати, що цей процес відбувався відразу на кількох територіях, як на схід від Приаралля, так і у ході просування ранньоскіфських контингентів на Захід. Про це свідчать деякі перехідні форми від бронзових до біметалевих чеканів, виявлені на Кавказі та сході України. Поряд з приаральським, центрами «біметалізації» могли бути кавказький, волго-камський і, судячи з нових даних, північнопричорноморський регіони.

Незважаючи на значне збільшення зафіксованих біметалевих чеканів, залишається непохитним факт їхньої відносної нечисленності порівняно з іншими видами архаїчного озброєння Скіфії. І саме цей факт, у поєднанні з коротким періодом побутування (чекани не отримали подальшого розвитку в Північному Причорномор'ї та на Кавказі) свідчить на користь того, що вони фіксують шляхи міграції військових угруповань кочовиків раннього залізного віку з їх первісних місць проживання в Центральній Азії на захід — Кавказ, Малу Азію та Північне Причорномор'я.

Враховуючи той факт, що поява біметалевих чеканів, на відміну від бронзових, пов'язана з більш західними регіонами Центральної Азії (Приаралля), ми співвідносимо виникнення цього озброєння з історичними саками, які сприйняли більш східний імпульс і змогли трансформувати його у форми матеріального комплексу, відомі на Кавказі та у Північному Причорномор'ї. Слід зазначити, що саки брали безпосередню участь як в передньоазійських походах скіфів, так і в освоєнні просторів Північного Кавказу і Північного Причорномор'я, тобто у формуванні етносу історичних скіфів. Враховуючи знахідки біметалевих чеканів у Малій Азії, появу цього виду озброєння на Кавказі та у Північному Причорномор'ї необхідно інтерпретувати як сліди реальної участі населення скіфської епохи, яке жило у зазначених регіонах, у знаменитих походах до країн стародавнього Сходу.

Поряд з власне передньоазійськими предметами, що зустрічаються в похованнях кочівників скіфської пори на Кавказі і в Північному Причорномор'ї, чекани є надійними археологічними маркерами важливих подій ранньоскіфської історії, в яких брали участь не тільки власне скіфи, а й конгломерат племен, втягнутий скіфами-кочовиками в орбіту своїх військових акцій.

Sergey SKORYI, Roman ZYMOVETS
**BIMETALLIC PICKAXES
OF THE SCYTHIAN ARCHAIC
PERIOD IN EURASIA**

This book is dedicated to bimetallic pickaxes of the early Scythian era — an interesting and until recently insufficiently studied category of offensive weapon of early nomads. A pickaxe is a striking weapon for close combat with a straight combat part, ending on one side with a pointed striker, on the other — with a hammer-shaped butt of different lengths. These features distinguish pickaxes from axes, which are characterized by a combination of a striker and a wide blade, and from picks, which have a curved beak-shaped profile and, usually, a hammer-shaped butt.

From a technological point of view, bimetallic pickaxes are the result of a mechanical connection of two functional main parts of a weapon made of different metals and using different techniques: an iron or steel forged combat part (butt, striker), and a bronze bushing, cast in a two-fold form. The mechanical connection of the two mentioned parts was carried out by inserting the iron part into the flap of the casting mold and then filling the mold with molten bronze, which allowed both parts of the weapon to be connected extremely firmly.

An almost indispensable feature of bimetallic pickaxes (42 exemplars or 81 % of all pickaxes) is the presence of a stylized head of a bird of prey under the striker, made in the traditions of the Scythian animal style and cast together with the bushing.

The monograph takes into account **52** bimetallic pickaxes originating from a vast territory from the Aral Sea region in the east to the right bank of the Dnieper in the west and from Asia Minor in the south to the Volga and Kama region in the north. This is more than twice as many as were known and recorded to date. Of the total number of bimetallic pickaxes known today, **1** was found at a settlement, and **11** more were discovered in burial grounds. However, only 6 pickaxes were found in closed burial.

The remaining **40** exemplars (more than **76 %**) were found outside burial or settlement sites, either by chance (for example, in a plowed field) or with a metal detector, at a very shallow depth. Geographically, **21** pickaxes originate from the territory of Ukraine, **11** of which have an exact or relative reference to the area of finding. **11** pickaxes were discovered in the Caucasus, in its northern and northwestern parts. **2** of the pickaxes come from the Kuban-Taman territory, i.e. they also gravitate towards the Caucasus region. The remaining pickaxes are distributed territorially as follows: Western Siberia — **3**, Southern Urals — **3**, Volga-Kama region — **4**, Asia Minor — **4**, Asia Minor or the Middle East — **1**, Central Asia — **1** specimen. The location of the discovery of **2** specimens is unknown.

In the monograph we propose a classification of pickaxes. All exemplars whose appearance we can determine (**47** items) are divided into 2 sections: pickaxes with a pick-shaped, narrow striker tapering to the tip, usually diamond-shaped in cross-section and a fairly long butt (section I) and pickaxes with a blade-shaped wide striker, a wide but shorter butt (section II). Pickaxes of the first section are represented by **9** items (**19 %** of the total number of weapons whose appearance we can determine). The majority of pickaxes — **38** items (**81 %**) belong to the blade-shaped section. The combat part of pickaxes of this section is similar to a double-edged blade of a dagger of the Scythian era, fixed in a bronze bushing. Types are distinguished within the sections: in section I — 2 types, in section II — 3 types.

The conducted research shows that bimetallic pickaxes are dated to the 7th — first half of the 6th centuries BC. There is no reason to attribute them to the 8th century BC, which is done by some supporters of understated dating of the early Scythian period. The earliest bimetallic pickaxes, judging by the mound No. 84 of the Uygarak burial ground, were recorded in the Aral Sea region, in the west of Central Asia.

The work studies in detail the evolution of bimetallic pickaxes. The direct prototypes of bimetallic pickaxes were solid-cast bronze pickaxes of the Tagar and Aldy-Bel cultures of Southern Siberia and Altai. There are two main arguments in favor of this version. Firstly, some of the bronze pickaxes of Altai and Southern Siberia are undoubtedly associated with the early Scythian material complex, which is also supported by the first images in the Scythian animal style — the head of a bird of prey under the striker. Secondly, bronze pickaxes with the head of a bird of prey appear here in the 8th century BC. That is, they are earlier than bimetallic pickaxes.

It is also noteworthy that bronze pickaxes with the head of a bird of prey continue to be used in the eastern part of Central Asia at a later time (6th — 5th centuries BC), while bimetallic pickaxes of more western regions exist for a very limited period, disappearing from use by the middle of the 6th century BC.

The work also examines the issue of the territory where such an innovation as the appearance of an iron / steel warhead on pickaxes could have occurred. Archaeological data indicate that such a territory could have been the Aral Sea region. However, it cannot be ruled out that this process took place in several territories at once, both to the east of the Aral Sea and during the advance of the early Scythian contingents to the West. This is evidenced by some transitional forms, from bronze to bimetallic pickaxes, discovered in the Caucasus and eastern Ukraine. Along with the Aral Sea region, the centers of «bimetalization» could have been the Caucasian, Volga-Kama and, judging by new data, the northern Black Sea regions.

Despite the significant increase in the recorded bimetallic pickaxes, the fact of their small number, compared to other types of archaic weapons of Scythia, remains unshakable. And it is this fact, combined with the short period of existence (the pickaxes did not develop further in the Northern Black Sea region and the Caucasus) that testify in favor of the fact that they mark the migration routes of military groups of nomads of the early Iron Age from their original habitats in Central Asia to the west – the Caucasus, Asia Minor and the Northern Black Sea region. Considering the fact that the appearance of bimetallic pickaxes, unlike bronze, is associated with more western regions of Central Asia (the Aral Sea region), we correlate the emergence of this type of weapon with the historical Sakas, who perceived a more eastern impulse and were able to transform it into forms of material complex known in the Caucasus and the Northern Black Sea region. It should be noted that the Sakas took direct part both in the Scythians' campaigns to the Near East and in the development of the spaces of the Northern Caucasus and the Northern Black Sea region, i. e. in the formation of the ethnos of the historical, Northern Black Sea Scythians.

Considering the finds of bimetallic pickaxes in Asia Minor, the appearance of this type of weapon in the Caucasus and the Northern Black Sea region must be interpreted as traces of the real participation of the population of the Scythian era, who lived in these regions, in the famous campaigns to the countries of the Ancient East.

Along with the Near Eastern objects found in the burials of nomads of the Scythian era in the Caucasus and the Northern Black Sea region, pickaxes are reliable archaeological markers of important events in early Scythian history, in which not only the Scythians themselves took part, but also a conglomerate of tribes drawn into the orbit of the Scythian nomads' military actions.

- Алексеев, А. Ю. 1992. *Скифская хроника*. Санкт-Петербург.
- Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н. э.* Санкт-Петербург.
- Алексеев, А. Ю., Качалова, Н. К., Тохтасьев, С. Р. 1993. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. Санкт-Петербург.
- Балахванцев, А. С. 2011. Биметаллический клевец из Бугуруслана и некоторые проблемы раннескифской истории. *Древность: историческое знание и специфика источника*, V, с. 14 – 49.
- Балахванцев, А. С. 2015. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры. В: *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26 – 29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 21 – 25.
- Бейсенов, А. З. 2018. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 386 – 396.
- Бейсенов, А. З., Шашенов, Д. Т. 2020. Тасмолинские курганы в урочище Айыртас в Центральном Казахстане. *Нижеволжский археологический вестник*, 19, № 1, с. 268 – 284.
- Богданов, Е. С. 2006. *Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Боковенко, Н. А. 1986. *Начальный этап ранних кочевников Саяно-Алтая. По материалам конского снаряжения*. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Ленинград.
- Варёнов, А. В. 1990. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов. В: Ларичев, В. Е. (ред.). *Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии*. Новосибирск: Наука, с. 56 – 72.
- Васильев, Ст. А. 2001. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? *Вестник молодых ученых*. Серия: исторические науки, Санкт-Петербург, 1, с. 30 – 37.
- Виноградов, А. В. 1980. Памятник алды-бельской культуры в Туве. В: *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, с. 60 – 64.

- Виноградов, В. Б. 1972. *Северо-Восточный Кавказ в скифское время (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза)*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.
- Вишневская, О. А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII – V вв. до н. э.* Москва: Наука.
- Горелик, М. В. 1993. *Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н. э.* Москва: Наука.
- Грязнов, М. П. 1956. *История древних племён Верхней Оби. По раскопкам близ с. Большая речка. Материалы и исследования по археологии СССР*, 48. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.
- Грязнов, М. П. 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур. *Археология Южной Сибири*, 18, с. 3 – 18.
- Дударев, С. Л. 1998. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии. *Вестник древней истории*, 4, с. 77 – 93.
- Дударев, С. Л. 2024. Биметаллический чекан (клевец) из Адыгеи и его место среди древностей Евразии эпохи скифской архаики. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*, 5, Циркумпонтика, VI, с. 189 – 201.
- Егоров, Н. М. 1955. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. *Краткие сообщения Института археологии*, 58, с. 53 – 62.
- Збруева, А. В. 1952. *История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. V. Материалы и исследования по археологии СССР*, 30. Москва: АН СССР.
- Зимовець, Р. В. 2024. Клововидні пронизки та чекани з голівкою хижого птаха. До походження одного з архаїчних образів скіфського звіриного стилю. В: *Історико-краєзнавчі студії: традиції та інновації. Матеріали VI Міжнародної наукової конференції*. (Суми, 8 – 9 грудня 2023 р.). 1. Суми: Цьома С. П., с. 92 – 97.
- Зыков, А. П., Кокшаров, С. Ф., Терехова, Л. М., Федорова, Н. В. 1994. *Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета*. Екатеринбург: Внешторгиздат.
- Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва.
- Іллінська, В. А. 1961. Скіфські сокири. *Археологія*, XII, с. 27 – 52.
- Исмагилов, Р. Б. 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 29, с. 29 – 47.
- Итина, М. А. 1992. Ранние саки Приаралья. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР. Москва: Наука, с. 31 – 47.
- Киселев, С. В. 1949. *Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР*, 9. Москва; Ленинград: ИА АН СССР.

- Кисель, В. А. 1997. *Священная секира скифов*. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера).
- Кисель, В. А. 2008. Σαυαρίζ Геродота в арсенале древних кочевников. В: Деревянко, А. П., Макаров, Н. А. (ред.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. II. Москва: ИА РАН, с. 110 — 112.
- Ковпаненко, Г. Т. 1981. Памятники раннескифского времени Каневщины. *Материалы и исследования по археологии СССР, 177: Проблемы скифской археологии*, с. 115 — 120.
- Козенкова, В. И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. Москва: ТИМР.
- Козенкова, В. И. 2013. *Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы, судьбы и следы разнокультурных инфильтраций в местной среде)*. Москва: Таус.
- Козенкова, В. И. 2014. Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье. В: Коробов, Д. С. (ред.). *Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа*. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21 — 25 апреля 2014 г. Москва: ИА РАН, с. 160 — 162.
- Кочев, В. А. 1988. Чеканы Горного Алтая. В: *Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая*. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, с. 145 — 162.
- Кочкина, А. Ф., Сташенков, Д. А. 2020. Новые поступления предметов раннего железного века в фонды СОИКМ им. П. В. Алабина. *Вопросы археология Поволжья*, 8, с. 87 — 193.
- Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.
- Кузьмин, Н. Ю. 2022. Зооморфные изображения как индикатор культурных изменений на заключительной фазе раннетагарского периода. *Археологические вести*, 34, с. 294 — 311.
- Кузьминых, С. В. 1983. *Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке*. Москва: Наука.
- Курочкин, Г. Н. 1989. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана. *Краткие сообщения Института археологии*, 196, с. 166 — 172.
- Курочкин, Г. Н., Субботин, А. В. 1993. Боевые чеканы (клевец) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения). В: *Античная цивилизация и варварский мир*. II. Новочеркасск, с. 59 — 64.
- Лукпанова, Я. А. 2017. Раннесакские памятники Приаралья. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Казахстан в сакскую эпоху*. Алматы, с. 179 — 190.
- Марсадолов, Л. С. 2015. Новая датировка Большого Салбыкского кургана. *Научное обозрение Саяно-Алтая*, 1 (9), с. 35 — 53.
- Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Свод археологических источников, Д1-4. Москва: Наука.
- Могильников, В. А. 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири. В: Мошкова, М. Г. (ред.). *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 274 — 311.
- Мурзін, В. Ю., Шлайфер, В. Г. 2007. Ще раз про скіфські сокири-скіпетри. В: Скорий, С. А. (ред.). *Ранній залізний вік Європі*. Київ; Чигирин, с. 111 — 113.

- Окатынко, В., Зимопец, Р., Скорый, С. 2023. Уникальные чеканы эпохи скифской архаики из Харьковской области (Лесостепь Левобережной Украины). *Revista arheologică, serie nouă*, XIX, 2, с. 5—20.
- Папуашвили, Р. И., Балахванцев, А. С. 2016. Металлические клевцы из могильников Колхиды (Эргета II, Цаиши). В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25—27 апреля 2016 г.* Москва: Институт востоковедения РАН, с. 199—206.
- Пиотровский, Б. Б. 1989. Скифы и Урарту. *Вестник древней истории*, 4, с. 3—10.
- Погребова, М. Н., Раевский, Д. С. 1989. К вопросу об «отложившихся скифах». *Вестник древней истории*, 1, с. 45—65.
- Подобед, В. А. 1994. К вопросу о биметаллических чеканах. В: Яровой, Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)*. Тирасполь, с. 181—185.
- Подобед, В. А., Ключнев, М. Н. 1993. Биметаллический чекан. В: *Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области*. Донецк, с. 45—46.
- Прушевская, Е. 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. *Известия Археологической комиссии*, 63, с. 31—58.
- Пьянков, А. В. 2005. Биметаллический чекан из окрестностей ст. Пластуновской (Краснодарский край). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*, 5, с. 280—282.
- Савинов, Д. Г. 1998. Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. В: *Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача*. Санкт-Петербург: Культ-информ-пресс, с. 132—136.
- Савинов, Д. Г. 2022. Об особенностях формирования и развития звериного стиля тагарской культуры. *Археологические вести*, 34, с. 209—220.
- Скорый, С. А. 2024. Некоторые размышления о восточноевропейских и центральноазиатских боевых оголовьях эпохи ранних кочевников. *Археология Казахстана*, 1 (23), с. 27—61.
- Скорый, С. А. 2024а. Новая находка бронзового литого шлема эпохи скифской архаики на Кубани. *Tyragetia*, XVIII (XXXIII), 1, с. 173—184.
- Скорый, С., Зимопец, Р. 2021. Скифские древности Крыма. *Материалы одной коллекции. Издание второе, дополненное, переработанное*. Полтава: АСМИ.
- Скорый, С. А., Зимопец, Р. В. 2022. Щодо практики умисного псування предметів на тризні скіфських курганів (за матеріалами Орликової Могили). В: *Матеріали II Всеукраїнської археологічної конференції з міжнародною участю «Путивльські читання». До 70-річчя з дня народження Володимира Павловича Білозора*. Київ, с. 84—91.
- Скорый, С., Зимопец, Р., Орлик, А. 2022. Об «умерщвлении» предметов на тризне скифских курганов (по материалам Орликовой Могили). *Revista Arheologică, serie nouă*, XVIII, 2, с. 35—46.
- Скорый, С. А., Зимопец, Р. В. 2023. Артефакт из Ахтырки: к вопросу о биметаллических чеканах эпохи скифской архаики в Евразии. *Археология Казахстана*, 2 (20), с. 31—60.

- Скорий, С. А., Зимовець, Р. В. 2023. Біметалевий чекан з Дніпровського Лісостепоного Лівобережжя: привід для розмови про подібну зброю ранньоскіфської доби в Європі. *Археологія і давня історія України*, 2 (47), с. 127 — 146.
- Скорый, С. А., Окатенко, В. Н. 2021. Серебряное зеркало из Первого Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь). В: *Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы (к 70-летию С. Л. Дударева)*. Армавир, с. 137 — 145.
- Смирнов, К. Ф. 1961. *Вооружение савроматов*. Материалы и исследования по археологии СССР, 101. Москва: АН СССР.
- Смирнов, К. Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.
- Субботин, А. В. 2014. *Нелинейный характер развития тагарской культуры*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Таиров, А. Д. 2010. Биметаллический чекан из Южного Зауралья. *Челябинский гуманитарий*, 4 (13), с. 101 — 108.
- Таиров, А. Д., Боталов, С. Г. 2010. Погребения сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье. В: Герасимова, М. М., Малашев, В. Ю., Мошкова, М. Г. (ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, с. 339 — 354.
- Ташбаева, К. И. 2011. *Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая*. Бишкек: Илим.
- Трифонов, Ю. И., Боковенко, Н. А. 1998. Воинский комплекс сакской эпохи из Восточного Казахстана. В: *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача*. Санкт-Петербург: Культинформ-пресс, с. 149 — 150.
- Хабдулина, М. К. 2017. Итоги изучения улубай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Казахстан в сакскую эпоху*. Алматы: Институт археологии: НИЦ истории и археологии Бегазы — Тасмола, с. 35 — 58.
- Черненко, Е. В. 1980. Скифские боевые топоры (типология и происхождение). *Археологические исследования на Украине в 1978 — 1979 гг.: Тезисы докладов XVIII конференции*. Институт археологии АН УССР. Днепропетровск, апрель 1980 г. Днепропетровск, с. 88.
- Членова, Н. Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры*. Москва: Наука.
- Членова, Н. Л. 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века. В: Троицкая, Т. Н. (ред.). *Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа*. Новосибирск: Наука, с. 4 — 42.
- Членова, Н. Л. 1997. *Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира*. Москва.
- Членова, Н. Л. 2002. Добывали ли золото в восточносибирской тайге в скифскую эпоху? *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1 (9), с. 131 — 141.
- Чугунов, К. В. 2005. Абсолютная хронология тагарской культуры — взгляд извне. В: Король, Г. Г. (ред.). *Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия*. Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, с. 102 — 104.

- Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Шелехань, О. В. 2012. Бойові сокири скіфського типу з Північного Причорномор'я. *Археологія*, 2, с. 3–13.
- Эрдэнэ-Очир, Н., Батсүх, Д. 2018. Биметаллический чекан с головой хищной птицы под бойком из Монгольского Алтая. *Научное обозрение Саяно-Алтая*, 1 (21), с. 66–74.
- Яблонский, Л. Т. 1996. *Саки Южного Приаралья*. Москва: ИА РАН.
- Crawford, V. E., Prudence, O. H., Oscar, W. M., Beatrice, E. B. 1966. *Guide to the Ancient Near East Collection*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Curtis, J. E., Kruszynski, M. 2002. *Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum*. London.
- Kossack, G. 1983. Tli Grab 5. Bemerkungen zum Beginn des Skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 5, S. 89–186.
- Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In: Franke, H. (ed.). *Skythika*. München: BAdW, S. 24–86.
- Loehr, M. 1949. Ordos Daggers and Knives. New materials, Classification and Chronology. First Part: Daggers. *Artibus Asiae*, 12, No 1–2, p. 23–83.
- Makhortykh, S. V. 2022. «Cimmero-Scythian» Antiquities from Central Anatolia. *Археологія і давня історія України*, 1 (42), p. 58–74.
- Matsumoto, K. 2021. The Bronze Age in the Eurasian Steppes. *Japanese Journal of Archaeology*, 8, p. 287–328.
- Skoryi, S., Zimovets, R. 2023. Artifact from Akhtyrka: to the question of bimetallic pick-axes of the Scythian Archaic period in Eurasia. In: *Warriors and their Weapons in Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 21st International Colloquium of Funerary Archaeology. 25th – 28th May, 2023, Târgu Jiu, Gorj County (Romania)*. Brăila: Istros a Muzeului Brăilei «Carol I», p. 247–270.
- Ünal, V. 1982. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 4, S. 65–82.

Наукове видання

Сергій СКОРИЙ
Роман ЗИМОВЕЦЬ

**БІМЕТАЛЕВІ ЧЕКАНИ
ЕПОХИ
СКІФСЬКОЇ АРХАЇКИ
В ЄВРАЗІЇ**

Монографія російською мовою

Надруковано в *авторській редакції*

Підписано до друку 20.06.2025. Формат 84 × 108/16.
Папір крейдований. Гарнітура Book Antiqua. Друк цифровий.
Ум.-друк. арк. 11,76. Обл.-вид. арк. 8,9. Тираж 50 прим. Зам. № 25-20.

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан»,
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 1002
від 31.07.2002 р.

